

The background of the book cover is a collage of historical Russian images. In the top left, a steamship is on the water with smoke rising from its funnels. In the top right, a crowd of people is gathered on a rooftop, holding a large black banner with white Cyrillic text that reads "СЛАВЯ ЗДРАВСТВУЕТЪ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА! СЛАВЯ ВЪ ЕДИНЕНІИ". In the bottom left, a group of soldiers in uniform are sitting on the ground. In the bottom right, a man in a military uniform with a beard and medals is sitting on a chair, holding a sword.

Живая история

Э. В. Экк

От Русско-турецкой
до Мировой
войны

Воспоминания о службе
1868–1918

Эдуард Владимирович Экк
От Русско-турецкой до
Мировой войны. Воспоминания
о службе. 1868–1918
Серия «Живая история (Кучково поле)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083191

*Эдуард Экк. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания
о службе. 1868–1918: Кучково поле, Аудит недропользования и
консалтинг; Москва; 2014
ISBN 978-5-9950-0546-9*

Аннотация

Воспоминания генерала от инфантерии Эдуарда Владимировича Экка (1851–1937) охватывают период 1868–1918 гг. В книге рассказывается о времени его службы в лейб-гвардии Семеновском полку, а также о Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войнах. Автор дает уникальную картину жизни Российской императорской армии от могущества 1860-х до развала ее в хаосе Февральской революции 1917 года. Огромное количество зарисовок из военной жизни Российской империи, описания встреч автора с крупными историческими фигурами и яркие, красочные образы дореволюционной России

делают воспоминания Эка поистине ценнейшим историческим источником.

Содержание

Генерал трех императоров	6
Глава I	22
Глава II	59
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Эдуард Экк
От Русско-турецкой
до Мировой войны.
Воспоминания о
службе. 1868–1918

Российское историческое общество
Федеральное архивное агентство
Государственный архив Российской Федерации

Публикуется по рукописи: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 197.
Л. 1–416

Комментарии. А. И. Дерябина

© Государственный архив РФ, 2014

© Грюнберг Н. П., вступ. ст., 2014

© Дерябин А. И., коммент., 2014

© ООО «Кучково поле», 2014

Генерал трех императоров

Эпоха царствования Николая II оставила после себя множество мемуарной литературы, подчас малоизвестной или вовсе неизвестной и недоступной широкой публике. Как правило, подавляющее число воспоминаний написаны тяжелым языком, а содержащиеся в них сведения довольно отрывочны, крайне субъективны и, давая чересчур узкую картину исторических событий, интересны лишь специалистам. Редкие образцы мемуарной литературы выделяются из этого общего ряда, и лишь единичные труды можно назвать поистине бриллиантом русской мемуаристики благодаря их легкому, увлекательному стилю изложения и поистине неисчерпаемому кладезю исторической информации. Именно такими являются воспоминания генерала от инфантерии Эдуарда Владимировича Экка, служившего при трех императорах и ставшего участником трех войн – Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой.

Нет смысла подробно останавливаться на биографии этого, вне всякого сомнения, выдающегося военного и талантливого рассказчика. Экк сам более чем подробно рассказал о своей жизни на страницах своих воспоминаний, и к этим сведениям можно лишь добавить, что с 1918 года он находился в Добровольческой армии и до конца Гражданской

войны исполнял обязанности председателя военно-полевого суда при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России и был вынужден эмигрировать вместе с остатками армии генерала Врангеля в Турцию. Позднее он перебрался в Югославию и до самой своей смерти жил в Белграде, где пользовался непререкаемым авторитетом как среди эмигрантов, так и у местных властей. Был начальником 4-го отдела Российского общевойска союз, председателем Совета объединенных офицерских обществ. По его инициативе в Белграде издавался «Русский военный вестник», издание, ориентированное на небезразличных к военному делу представителей русской эмиграции. Последние годы жизни генерал потратил на создание своих воспоминаний, так и не изданных ни за рубежом, ни в России. Скончался генерал Экк 5 апреля 1937 года. На похоронах на Новом кладбище Белграда присутствовала почти вся русская община и в знак особого уважения военный министр Югославии. Сейчас мы имеем уникальную возможность опубликовать воспоминания генерала от инфантерии Экка не только как ценнейший исторический источник и блестящее литературное произведение, но и как дань памяти этому, без сомнения, незаурядному человеку.

Воспоминания Эдуарда Владимировича Экка дают уникальную картину не только его собственной биографии, но и жизни Российской императорской армии от могущества 1860-х до развала ее в хаосе Февральской революции 1917

года. Сам автор скуп на оценки, воздерживаясь от общих комментариев и суждений, и старается описывать только то, что сам видел и чему был сам свидетелем. От повествования веет легким чувством ностальгии по «старым добрым временам», по молодцам-семеновцам, блиставшим выправкой на разводах караулов в Санкт-Петербурге, по полным опасностей предприятиям в Восточной Румелии, по лихим кавалерийским атакам на маневрах Варшавского военного округа, по аромату полевых кухонь, строгости полевых лагерей и ушедшей навсегда храбрости солдат 71-й пехотной дивизии, с которыми приходилось делить все радости и горести Маньчжурской кампании. И эта ностальгия сама собой захватывает читателя, втягивает его в рассказ, заставляя вместе с автором проживать все моменты его непростой военной жизни.

Генерал Экк относился к поколению людей, вся жизнь которых была связана с армией от начала и до конца и которые не могли существовать без военной службы. Его воспоминания проникнуты глубоким осознанием таких понятий, как долг, честь, достоинство и присяга. Вне военной службы для автора нет смысла существования, и вне ее он себя не видит. Вся жизнь Экка была подчинена служению царю и Отечеству, и от начала и до конца ее он не нарушил присяги и не поступился своей честью. Эдуард Владимирович, в отличие от многих современников, не гонялся за чинами и во главу угла ставил не достижение карьерных высот, а принесение пользы своей стране и своему императору на любом месте в

военной системе. Его не интересовала политическая жизнь страны, так как, согласно древнему принципу, «армия вне политики», генерал Экк не считал себя вправе поддерживать какие-либо политические взгляды и течения, на которые было столь богато российское общество начала XX века. Экк был целиком и полностью военным профессионалом, и потому его мемуары рассказывают о военном деле более чем о чем-либо еще. Тем не менее не был он и примитивным солдафоном – слог и стиль воспоминаний говорят о высочайшем уровне культуры их автора.

Карьеру автора нельзя назвать быстрой и блестящей, тем не менее ее нельзя назвать и неудачной. Она давалась Экку непросто, и все назначения были получены лишь благодаря его несомненно выдающимся личным качествам. Военная служба генерала Экка началась в качестве юнкера в одном из наиболее привилегированных и престижных полков Российской императорской армии – лейб-гвардии Семеновском полку, основанном еще Петром Великим и входившим вместе с другим детищем своего основателя в состав «Петровской бригады» – 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии. В качестве юнкера Экку пришлось на себе испытать все трудности солдатской жизни, познать все тонкости строевой службы. В таком полку, как лейб-гвардии Семеновский, с высочайшими стандартами выправки, строя, владения строевыми приемами, служить было нелегко. Присутствие на всех важнейших государственных торжествах, несе-

ние караульной службы в Зимнем дворце при императорской фамилии, а также высокий статус полка, его традиции и история накладывали свой отпечаток на все стороны жизни семеновцев. В полку все было лучшим, от качества формы до выполнения строевых эволюций, и семеновцы гордились этим. Не каждый был способен соответствовать этим стандартам, и не все юнкеры – товарищи Эдуарда Владимировича – заслужили чести стать офицерами лейб-гвардии Семеновского полка, но всякий, достигший семеновской планки, навеки входил в полковую семью. Даже расставшись с полком, семеновец на всю жизнь оставался семеновцем, и одним из них стал Экк, удостоившийся производства в офицерский чин в полку.

Более чем шестилетняя служба в лейб-гвардии Семеновском полку не прошла для Экка даром, навеки привив ему высокие стандарты отношения к себе и окружающим. Не менее высокие образцы, но несколько иного уровня дала ему Николаевская академия Генерального штаба, которую Экк окончил осенью 1877 года. Высочайшие требования к слушателям и не менее высокие стандарты образования академии формировали у ее выпускников такие навыки, как глазомер, умение ориентироваться в сложной обстановке и вести самую сложную штабную работу. Безусловно, военное образование, полученное Эдуардом Владимировичем, можно назвать блестящим, и воспользовался он им не менее талантливо, выполняя ответственные задания помощ-

ником штаб-офицера над колонновожатыми в заключительных операциях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Именно личные качества Экка, проявленные им в ходе войны, послужили основанием для назначения его военным агентом при русской дипломатической миссии сначала в Константинополе, а позднее в Филиппополе (ныне Пловдив), столице автономной провинции Турции Восточная Румелия. Врожденный такт и умение находить общий язык с людьми позволили ему с успехом выполнять весьма непростые обязанности в такой сложной и неоднозначной военно-политической обстановке, какая сложилась в населенной преимущественно болгарами Восточной Румелии. В этой провинции под руководством русских офицеров было сформировано местное ополчение, формально подчинявшееся Турции, а на практике совершенно самостоятельная сила, что вызывало многочисленные осложнения. Не меньшей проблемой был и плохо скрываемый курс Восточной Румелии на присоединение к Болгарии. Масла в огонь подливали и попытки Болгарии и Сербии поделить между собой Македонию. В своих воспоминаниях Экк раскрывает массу подробностей хитросплетений местной политики, давая неоценимые сведения о роли России в становлении болгарской государственности. Не менее интересны и приводимые Экком подробности обстоятельств убийства О. Н. Скобелевой, матери выдающегося русского полководца М. Д. Скобелева, совершенного неподалеку от Филиппополя в 1880 году.

Дослужившись на посту военного агента до чина полковника Генерального штаба, Эдуард Владимирович, имея возможность продолжать военно-дипломатическую карьеру, все же не видел себя вне армии, вне ее строевых частей. В 1885 году он расстается с Болгарией для того, чтобы отбыть цензовое командование батальоном 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка в Москве. Без опыта командования батальоном было невозможно получить строевую должность, и Экк активно включается в непростую и очень ответственную работу батальонного командира, решая совершенно иной круг задач, нежели задачи военного агента. На этом посту Эдуард Владимирович впервые проявил себя как заботливый, но в то же время весьма требовательный командир. Весьма трудно достичь необходимой золотой середины: некоторые офицеры слишком погружались в бытовые проблемы своего подразделения, забывая про требования службы и ведение боевой подготовки, иные, наоборот, за излишней требовательностью в обучении личного состава не замечали необходимости заботы о его повседневных нуждах. Именно на посту батальонного командира Экк проявил качества, все ярче и ярче раскрывавшиеся в дальнейшем. Несмотря на то что цензовое командование батальоном было во многом необходимой формальностью, полковник Экк не только сдал его в блестящем с точки зрения строевой и боевой подготовки состоянии, но и вникая во все мелочи солдатского быта и проявляя постоянную заботу о нуждах под-

чиненных. Экк, в отличие от многих коллег, не стеснялся разговаривать с солдатами, регулярно общался с унтер-офицерами, с уходившими в запас и, поскольку общение это было не для галочки, а от души, знал душу русского солдата, его менталитет, его потребности и надобности. Требовательность и одновременно искреннее, неподдельное внимание давали потрясающий результат: солдаты души не чаяли в своем начальнике, ибо чувствовали его заботу, а не отбывание номера. Именно понимание психологии солдата, его мира позволяло Экку приводить в чувство разболтавшиеся полки, из не лучшего качества резервных батальонов формировать боеспособные дивизии и руководить корпусами в самых тяжелейших операциях. Доверие солдата своему командиру и безграничное уважение к нему творили поистине чудеса, позволяя им выполнять невозможное. Высокие чины не мешали Экку обходить позиции на передовой, вникать в каждую мелочь окопной жизни и делать все возможное, чтобы люди были не только снабжены боеприпасами, но и сыты, одеты, обуты, чтобы укрытия были сухи, а каждый солдат имел возможность помыться и переодеться в чистое. Даже второочередные дивизии, сформированные по мобилизации 1914 года, под командованием Экка воевали как лучшие кадровые части, ибо не чувствовали никакого различия между собой и подразделениями первой очереди, ощущали такую же заботу и внимание и платили за них сторицей. Даже в страшные послереволюционные дни 1918 года бывшие

солдаты одного из полков, сражавшегося под началом генерала Экка во время Мировой войны, а теперь красноармейцы, не просто не смели тронуть царского генерала и «классового врага», а оказывали ему всяческую посильную помощь, настолько большим авторитетом в их среде он пользовался.

Экк обладал редким талантом мотивировать, воодушевить своих людей, увлечь их общим делом, вдохнуть в равнодушных искру, заставлявшую их равняться на лучших, а не на отстающих. Стремление командира сделать вверенное ему подразделение не просто хорошим, а лучшим передавалось подчиненным, они сами уже старались не подвести своего начальника, не ударить в грязь лицом, потому что для них не было средней оценки – только «отлично» и «плохо». Достигнутые на маневрах результаты и оценки на смотрах, а потом и отбитые штурмы, и удачные наступления, и прорывы, и требования не были пустой рутинной, а жизненно необходимыми навыками, а самого Экка превращали из просто заботливого начальника в настоящего боевого командира, которому солдаты доверяли безгранично.

Отношения Экка с подчиненными офицерами далеко не всегда складывались просто, ибо, будучи требовательным к солдатам, к офицерам, он был не просто требовательным, а сверхтребовательным. Высочайшие стандарты военной службы, вынесенные Экком из лейб-гвардии Семеновского полка, прививались им неустанно в любом подразделении и соединении, которым приходилось командовать, и

не все офицеры в состоянии были дотянуться до столь высокого уровня. Не способных справиться с возложенными на них обязанностями офицеров он всегда старался применить там, где они могли оказать наилучшую пользу, с не желавшими справляться безжалостно расставался. Трепетно относясь к кодексу воинской и офицерской чести, Экк внимательно следил за неукоснительным соблюдением его подчиненными и умел внушить им правильное понимание заложенных в нем ценностей. Но в строгости он не был бесчеловечным, всегда шел навстречу в чем-либо нуждавшимся офицерам, способствуя решению их проблем. Офицер должен был быть безукоризненным во всех аспектах своей жизни, считал Экк, и не просто требовал безукоризненности от подчиненных, но в первую очередь спрашивал соответствие собственным стандартам с себя. Офицеры это чувствовали, понимали и потому души не чаяли в своем командире, командующем, начальнике, зная, что он требует с них в любом случае меньше, нежели от себя самого.

Помимо требовательности генерал Экк обладал таким ценным качеством, как умение разбираться в людях. Знание способностей своих подчиненных, умение видеть все их достоинства и недостатки позволяли ему избегать неудачных назначений и ставить офицеров на те посты, на которых их недостатки нивелировались, а таланты, наоборот, максимально раскрывались. Наиболее ярко это качество Экка проявилось в ходе мобилизации 1904 года, во время которой из

сомнительной боевой ценности резервной дивизии ему удалось создать полноценное боевое соединение и в первую очередь благодаря продуманной и удачной кадровой политике.

Удивительный талант быть внимательным начальником и быть любимым подчиненными Экк совмещал с талантом настоящего военного, цепкого, меткого и решительного. Впервые став самостоятельным начальником, Экк железной рукой навел порядок в 26-м пехотном Могилевском полку, порядком запущенном предыдущим командиром, сумел не только наладить быт подчиненных, но и вытянуть полк во всех прочих аспектах. Наиболее ярко военные дарования Экка проявились в ходе Русско-японской войны, где не раз ему вместе с подчиненными войсками приходилось выдерживать неравные бои с японцами, не имея зачастую никакой поддержки от командования корпусов или армий. В отличие от многих «интеллигентов в погонах», буквально наводнивших армию перед Мировой войной, Экк никогда не сомневался в собственных действиях, никогда не впадал в апатию нерешительности и никогда не отвлекался от выполнения собственных обязанностей. Спокойствие и четкое осознание своих целей – вот одна из лучших черт генерала Экка. Также не свойственны ему были присущие службистам-карьеристам черты, такие как забота о «достойном» назначении и дифференцированное отношение к подчиненным в зависимости от «статусности» их подразделения. Экк, гвардеец-семеновец, никогда не ставил себя выше армейских офи-

церов или командиров, не имевших академического образования, он одинаково прост со всеми, и его отношение к людям зависело прежде всего от их личных качеств, а не карьерной лестницы или принадлежности к элитным соединениям.

Обладая прекрасным глазомером, а также пониманием настроения войск и хорошим чувством момента, генерал Экк превосходно справлялся как с командованием дивизией, так и корпусами. Руководство 71-й пехотной дивизией стало для него своеобразным испытанием на прочность. Сформированные из резервных пехотных бригад на время войны, подобные дивизии считались неустойчивыми, обладавшими низким боевым духом и малой боеспособностью, а служивших в ней резервистов – плохо обученными и не желающими идти в бой солдатами. Под руководством генерала Экка 71-я пехотная дивизия полностью опровергла негативную репутацию резервистов, а благодаря его мастерству военачальника заслужила уважение противника. В отличие от многих своих коллег, Экк не возмущался назначением во второсортную дивизию и не вымещал свою досаду от подобного «принижения» на окружающих, он просто выполнял свой долг так, как он его понимал, а свой долг начальника дивизии он видел в придании боеспособности этому подразделению. И надо сказать, свой долг Экк выполнил от начала и до конца.

Интересны наблюдения Экка над противником – японца-

ми. С удивлением он отмечает попытки пленных японцев покончить жизнь самоубийством, а также отмечает высокие боевые качества японской пехоты. Эти наблюдения тем ценнее, что с русскими пленными японцы обращались в высшей степени предупредительно, однако качества, проявленные ими во Второй мировой войне, Экк отметил еще во время Русско-японской: невероятное упорство в атаке, предпочтение смерти плену, способность продолжать бой, не считаясь с потерями, и в то же время необычайная изобретательность и способность к неожиданным тактическим решениям. Впоследствии русский опыт войны с японцами был проигнорирован всеми без исключения крупными державами и стоил большой крови союзникам в годы Второй мировой войны.

Надо отметить, что как военный Экк никогда не отставал от требований времени. Его полки одними из первых начинают применять ручные гранаты против японцев. Он один из первых понял преимущества комплексного физического развития солдат, а не формальных занятий гимнастикой и широко внедрил систематические спортивные занятия в Гренадерском корпусе. Во время Первой мировой он, словно копируя Суворова под Измаилом, строит копии австрийских укреплений и обучает на них своих солдат штурмовать позиции противника. Изменения тактики, нововведения в военном деле – ничто не проходит мимо него незамеченным. Использование артиллерии в боевых порядках пе-

хоты невозможно? Экке тут же опровергает этот тезис. Военная мысль Экка живая, плоть от плоти и кровь от крови русской военной школы. Врага надо не просто разбить, не просто прорвать фронт, надо не дать ему опомниться, садиться ему на плечи и превращать поражение в разгром. Однако отсутствие в его распоряжении должных сил и средств ни разу не позволило довести начатое до конца, а неприятие его методов вышестоящим начальством не давало ни малейшего шанса на реализацию задуманного. Тем не менее действия генерала Экка в качестве командующего 7-м и 23-м армейскими корпусами в годы Первой мировой войны требуют подробного изучения и являются яркими образцами русской военной школы.

Не менее интересны воспоминания Экка о встречах с известнейшими политическими и военными деятелями его времени. Уникальны его воспоминания о пребывании императора Николая II и императорской семьи в Ливадии в 1913 году, изобилующие многочисленными подробностями, через призму которых и сам император, и его семейство предстают перед нами не застывшими историческими персонажами, а живыми людьми со своей собственной частной жизнью. Подобные свидетельства от лиц, не входивших в ближайший круг императорской фамилии, уникальны и позволяют взглянуть на жизнь царской семьи глазами человека, не подверженного влиянию придворных интриг и сплетен.

Колоритны и характерны те эпизоды воспоминаний Эк-

ка, в которых он вспоминает свои встречи с генералом А. А. Брусиловым, а также участие подчиненных ему подразделений в ставшем знаменитым Брусиловском прорыве. Экк предельно корректен, даже передавая оскорбительные для него слова Брусилова, тем не менее оценка действий этого военачальника Экком так или иначе прорывается сквозь максимально нейтральный и лишенный резких оценок текст. Противоречивые действия Брусилова, нередко продиктованные личными мотивами и не связанные или противоречащие военным надобностям, вносят перекликающиеся с оценками А. И. Деникина интонации в образ этого известного полководца, поднимая проблему достоверности наиболее распространенного представления о нем.

На страницах своих мемуаров генерал Экк не пытается сводить личные счеты или «рассказать всю правду» даже о людях, с которыми у него случались служебные и личные конфликты, его повествование максимально нейтрально и при ощущении глубокого личного переживания прожитого предельно дистанцировано от каких-либо резких оценок и суждений. Экк всюду корректен, всюду скромен и не пытается распространить свою собственную роль далее тех пределов компетенции, которые были ему доступны в описываемый им момент. Оценки, критика или неприятие действий того или иного лица прорываются через описание его деятельности, позволяющее читателю самому делать выводы, но только не в личностных оценках или едкой критике, исходя-

щих от лица автора.

Огромное количество уникальных подробностей, масса зарисовок из военной жизни Российской империи, описания встреч автора с крупными историческими фигурами и, бесспорно, живые, яркие, красочные образы дореволюционной России делают воспоминания генерала от инфантерии Эдуарда Владимировича Экка поистине блестящим историческим источником и в противоположность многим работам этого жанра являющимся по совместительству и прекрасным литературным произведением. Пронизанные насквозь беззаветной любовью к России, высоким чувством долга и ощущением своей причастности к ее истории, эти мемуары станут настоящим украшением библиотеки любого любителя истории и, несомненно, привлекут внимание не только специалистов, но и благодаря своему легкому и доступному стилю достоянием самого широкого круга читателей, могущих отдать должное человеку, всю свою жизнь положившему на алтарь служения нашей стране.

Н. Грюнберг

Глава I

10 октября 1868 года, 17 лет, я поступил юнкером в лейб-гвардии Семеновский полк¹ и был зачислен в роту Его Величества.² Требования нам предъявлялись большие. Все отделы службы должны были быть усвоены в совершенстве. Рота была великолепно подобрана, рост юнкеров так велик, что я был почти на два вершка ниже левофлангового (правда, я был ниже ростом, чем теперь, но все же около восьми вершков). В строю еще находились люди, призванные под знамена на пятнадцать лет, и именно они лучше всего относились к нам, что особенно ярко сказывалось в дни, когда нам, юнкерам, приходилось весь день проводить в роте в ожидании тревоги. В такие дни мы обедали в роте и подолгу с ними беседовали, иногда читали им вслух взамен занятий грамотой.

Моим дядькой был унтер-офицер Брун, латыш десяти с лишком вершков росту, строгий, молчаливый, прекрасный гимнаст. Учителями были Фогель и Мордвинкин, оба разжалованные за пьянство, но лучшие фронтовики в роте. В то время в царские дни³ и в дни двенадесятых праздников всем

¹ Лейб-гвардии Семеновский полк – второй полк Российской императорской гвардии. Входил в состав 1-й гвардейской пехотной дивизии.

² Рота Его Величества – рота, шефом которой был сам император.

³ Царские дни – дни празднования торжественных событий из жизни царствующего дома – восшествия на престол, коронации, дней рождения, именин.

людям, помимо улучшенной пищи, полагалось от казны по чарке водки, и нам, юнкерам было особенно приятно уступить учителям наши чарки. Зная, что наша доля принадлежит им, Фогель и Мордвинкин подходили к ведру, имея в рукаве шинели по большому стакану, черпали им водку и с наслаждением пили ее маленькими глотками.

В строевой выправке, в маршировке, в фехтовании на ружьях трудно было с ними равняться, зато в гимнастике я мог тягаться с любым из них.

В мае 1868 года я сдал успешно офицерский экзамен, прошел съемки и прибыл в лагерь.

В лагере юнкера проходили полный курс строевого обучения, по очереди с прочими унтер-офицерами дежурили по роте, но в караул не заступали. Обедали в офицерской столовой, но после офицеров. Ужинали за отдельным столом, так как время ужина продолжалось от 8 до 10 часов вечера.

Однажды, будучи дежурным по роте, я уже после зори зашел поужинать и сел за наш юнкерский стол. Не успел я поесть, как подошел ко мне унтер-офицер Штамм и передал, что господа офицеры просят меня к своему столу.

Я тотчас же подошел к ним и представился. Все заговорили:

– Пожалуйте, Экк, садитесь, мы давно хотим с вами поближе познакомиться.

Тотчас же появились бутылки «Белой головки», которую пили во всем Красносельском лагере, причем не бокалами,

а обыкновенными большими стаканами.

Напрасно я их уверял, что никогда еще не пил вина, они только посмеивались и говорили, что это ничего, у нас привыкнете. Тут же пошли брудершафты. Я выдержал все семь стаканов, но, выпив последний, категорически заявил:

– Теперь я должен уйти, иначе мне будет стыдно перед Ксенофонтом Максимовичем.

Обаяние этого старого фельдфебеля было так велико, что никто не возражал, и я, простившись, вернулся в роту, сел на дерновую скамеечку и сладко задремал. Наутро чувствовал себя совершенно свежим и, как только сменился с дежурства, отправился в столовую поесть. Первый опыт оказался очень удачным и, увы, когда появлялось вино, меня уже не приходилось упрашивать.

18 июля я опять был дежурным по роте.

Часов около шести вечера к передней линейке лагеря подъехал начальник дивизии генерал-адъютант Дрентельн.⁴

⁴ Дрентельн Александр Романович (1820–1881) – русский военачальник и государственный деятель. В 1865 г. генерал-лейтенант, в Свите Е. И. В., командир 1-й гвардейской пехотной дивизии, генерал-адъютант (1867). С 1872 г. командующий войсками Киевского военного округа. В 1877 г. начальник военных сообщений действующей армии, затем командующий войсками действующей армии в тылу. С 1878 г. генерал от инфантерии, шеф Отдельного корпуса жандармов и главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. В том же году – член Госсовета и Особого присутствия по воинской повинности. С 1879 г. член Особого совещания для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи. С 1881 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа.

Он приказал приготовить роту и собрать юнкеров Семеновского и Преображенского⁵ полков. Таковых оказалось во семь человек.

Поставив семь юнкеров в строй на различные должности взводных и отделенных командиров, генерал-адъютант Дрентельн меня не позвал, я остался стоять на линейке.

Себе я объяснил это тем, что был дежурным по роте, но в то же время заметил крайнее смущение и как бы огорчение Ксенофонта Максимыча.

Произведя учение, генерал-адъютант Дрентельн пожурил юнкеров за недостаточно твердое знание уставов и уехал.

Ксенофонт Максимыч сейчас же все доложил ротному командиру, капитану Шмиту, который вызвал меня и просил не огорчаться, что это, вероятно, простая случайность, которая не будет иметь никаких последствий.

Тут-то я понял, что случилось что-то для меня нехорошее, и настолько огорчился, что ушел и заперся в палатке, отказавшись от ужина.

Уже после зори, когда люди улеглись спать, за мной прибежал вестовой ротного командира и объявил:

– Вас сейчас требуют.

Явившись к капитану Шмиту, я застал его веселым, на столе стояла бутылка шампанского.

– Поздравляю, читайте, – и подал мне приказ по дивизии о

⁵ Лейб-гвардии Преображенский полк – старейший полк русской гвардии. Входил в состав 1-й гвардейской пехотной дивизии.

производстве меня в портупей-юнкеры. – А теперь садитесь, выпьем за ваше здоровье.

Звание портупей-юнкера давало право носить саблю с офицерским темляком и допускало к исполнению офицерских обязанностей.

Портупей-юнкером мне предстояло пробыть не менее четырех месяцев, так как, имея ценз лишь среднего образования, я мог быть произведен в офицеры только по отбытии года в звании нижнего чина. Но уже на следующий же день я был введен в офицерскую среду уже как полноправный ее член и, принятый как родной, быстро в ней освоился. А чем ближе сходился, тем яснее осознавал ее высокие достоинства: сплоченность офицерского состава, близость к нам старших офицеров, их отеческие, товарищеские отношения к нам при высокой служебной требовательности. Все это навсегда оставило в моей памяти неизгладимый след, послужило руководящей нитью во всей моей строевой службе, навсегда связало меня с войсками и сделало легким главнейшее искусство военной службы – командование полком.

С глубокой благодарностью вспоминаю имена первого командира полка князя Святополк-Мирского, командира 1-го батальона флигель-адъютанта полковника Эллиса, ротного командира капитана Шмита и общего любимца полка, полковника Дубельта, которого солдаты прозвали «внутренним солдатом».

Павел Петрович Дубельт был старшим офицером в полку,

еще участником Венгерской кампании 1848 года; большой барин во всем, со значимым авторитетом в вопросах внутренней жизни офицеров.

На учениях он часто смешивал старый и новый уставы, но это никогда не вызывало замешательства в строю. Так, например, в период батальонных учений полковник Дубельт, поздоровавшись с людьми, выезжал вперед и командовал: «Знаменные ряды вперед на линию, по знаменным рядам в колонну из середины стройся». И хотя в новом уставе знаменных рядов не было, роты выходили вперед и строились в колонну в образцовом порядке.

Однажды, сидя у него за чаем, я решился спросить:

– Почему вы, Павел Петрович, всегда командуете: знаменные ряды, когда знаменных рядов в уставе уже давно нет?

Павел Петрович рассмеялся и ответил:

– Ах, Экк, да вы еще не родились, когда я так командовал!

Вскоре после моего производства в офицеры, П. П. Дубельт был назначен командиром 100-го пехотного Островского полка⁶ и мы с ним вновь встретились лишь в 1901 году в г. Бендеры, где он, оставив службу по предельному возрасту, мирно доживал свой век. Ему уже было далеко за 70, но он оставался все тем же Павлом Петровичем, и встретились мы с ним так, будто никогда не расставались.

⁶ 100-й пехотный Островский полк – сформирован в 1806 г. как 24-й егерский полк. С 1864 г. – 100-й пехотный Островский полк. В 1914 г. полк входил в 25-ю пехотную дивизию 3-го армейского корпуса. Дислокация – Витебск.

С благоговением вспоминаю своего фельдфебеля Ксенофонта Максимыча Воронкова, произведенного в фельдфебели в 1648 году и много лет состоявшего фельдфебелем роты Его Величества.

Воронков состоял в звании кандидата, то есть он выдержал офицерский экзамен, но отказался от производства в офицеры. Носил саблю с офицерским темляком, получал офицерское жалование 312 рублей в год и, как фельдфебель роты Его Величества, по 50 копеек в день Шефских денег (182 рубля 50 копеек в год). Ему была присуждена пенсия 75 рублей в год, завещанная великим князем Михаилом Павловичем⁷ для выдачи достойнейшему из фельдфебелей или вахмистров войск гвардии.

В начале семидесятых годов он начал болеть грудной жабой. Узнав об этом, один из старых командиров, барон Притвиц, прислал письмо командиру полка, в котором просил передать Воронкову, что дарит ему усадьбу с полной обстановкой и инвентарем и там все готово к немедленному переезду на жительство.

Когда командир полка объявил об этом Воронкову, тот просил передать барону Притвицу: благодарю, мол, барона от всей души и по гроб жизни буду за него Бога молить, но переехать в усадьбу не могу, так как, если перестану видеть

⁷ Михаил Павлович (1798–1849) – четвертый сын императора Павла I. С 1825 г. генерал-инспектор по инженерной части. С 1831 г. главный начальник всех сухопутных кадетских и Пажеского корпусов. В Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. командовал гвардией.

государя, я все равно умру. Так и остался в полку.

Даже когда недуг настолько усилился, что Воронков всю неделю лежал, в воскресенье он вставал, одевался и шел к часу дня к Зимнему дворцу на собственный Его Величества подъезд. Когда государь, выйдя на подъезд, здоровался с ним, Воронков, ответив: «Здравия желаю, Ваше Императорское Величество», возвращался в казарму и приваливался до следующего воскресенья. Так и скончался в полку. Тело его проводили в последний путь все офицеры с командиром полка во главе.

Другим ветераном в полку был знаменщик 2-го батальона Родионыч, срока службы 1828 года, кавалер Знака отличия Военного ордена I V, III и II степеней.

При возвращении с больших маневров в 1871 году при подъеме на гору от Красного Села к лагерю, старик, притомившись, несколько отстал. Командир полка, построив полк для отнosa знамен, скомандовал «оправиться» и только когда Родионыч вернулся на свое место, раздалась команда: «Полк смирно, под знамена, слушай, на-караул».

Вечером, отобедав, мы по обыкновению собрались на деревном валике и, как тогда всегда бывало, попивая вино, вели оживленные разговоры, разбирали разные эпизоды маневра и все были в отличном настроении, к командиру 7-й роты подошел денщик и доложил, что Родионыч очень желает его видеть.

Позвав Родионыча, мы поднесли ему стакан вина и выпи-

ли за его здоровье. Старик поблагодарил, но даже не улыбнулся и, обращаясь к своему ротному командиру, проговорил:

– Вы думаете, Ваше высокоблагородие, я не понял, что командир полка скомандовал оправиться только для того, чтобы спасти меня, старого дурака, от сраму, что не смог со знаменем вовремя стать на свое место. Второй раз этого не будет, и я прошу вашего ходатайства о зачислении меня в роту дворцовых grenадер.

И как мы ни упрашивали, старик остался при своем.

Ходатайство Родионыча было уважено, и его зачислили в роту дворцовых grenадер.⁸

Прошло с полгода. На Пасху пришел Родионыч похристосоваться со своим ротным командиром и опять взмолился:

– Явите Божескую милость, помогите мне вернуться в полк, сил моих нет. Я не привык быть в богадельне, а там, помилуйте, назначают тебя дежурным к знаменам и тут же на ночь стелют постель, а наместники grenадер, стоявший на часах у Александровской колонны, разговаривал с прохожим, а ему за это лишь только выговорил старый прапорщик. Очень прошу, помогите вернуться в полк.

⁸ Рота дворцовых grenадер – особая почетная часть русской гвардии. Сформирована в 1827 г. из гвардейских солдат-ветеранов, отличившихся и награжденных в эпоху Наполеоновских войн. Все чины роты назначались в нее лично императором. За свои расшитые мундиры получила неофициальное название «Золотая рота». В боевых действиях никогда не участвовала. Расформирована в 1921 г.

И это ходатайство Родионыча было уважено. Он был вновь зачислен в полк, но выходил в строй со знаменем только в день полкового праздника, на водосвятие 6 января и в дни высочайших парадов.⁹ Тоже умер в полку.

Третьим ветераном при полку был наш полковой разносчик Марка, состоявший при полку с 1828 года, помнивший, как в том же году барон Бистром поступил юнкером в полк. (Барон Бистром прослужил в полку непрерывно, с производством в офицеры, до назначения генерал-адъютантом и командовал полком.)

С первого дня вступления полка в лагерь в офицерской столовой в обеденный час появлялся Марка со своим лотком, на котором были ягоды, фрукты, пастила, конфеты и другие сласти.

Когда же полк выходил на учение на военное поле или выступал на маневры, Марка с лотком на голове шел неотлучно при полку и тогда у него преимущественно была провизия: пирожки, холодное мясо, телятина, язык, хлеб, масло, сыр и славившаяся собственного его изготовления водка «листовка», настоящая на листьях черной смородины.

Какие бы ни были тяжелые переходы или маневренные действия, при первом же привале Марка раскрывал свой лоток, и желавшие могли закусывать по своему вкусу.

⁹ Высочайший парад – парад, проводившийся в присутствии высочайших особ – членов императорской или королевской семьи, а также равных им гостей из иностранных владетельных домов.

Последние годы с ним выходили два сына, но при очень больших и тяжелых переходах сыновья иногда не выдерживали и отставали в пути. Один старик всегда был тут как тут.

Особенно ценился он, когда, посланный в штаб отряда за приказанием и задержанный там до глубокой ночи, часто не успев пообедать, вернешься, когда столовая давно уже уложена и все спят. Есть хочется до тошноты и вдруг появляется Марка со словами: «А я вам приберег закуску» и поставит у палатки «листовку», хлеб, мясо или что-нибудь из закусок.

Марка был крестьянином Тверской губернии, давно уже являлся богатым человеком, обладал капиталом в несколько сот тысяч рублей, вел по весне крупную торговлю молодыми деревьями у Семеновского моста. Но он так сжился с полком, что, как только мы выступали, Марка оставлял все прочие дела, шел с полком и оставался с нами до окончания больших маневров.

Был еще один старик, Сапожок, который постоянно вращался около офицеров 1-й Гвардейской дивизии. Жил тем, что выменивал у офицеров старые погоны и галунные портупей на новые, по расчету за новую пару погон или новую галунную портупею – по 5 пар старых погон или 5 старых галунных портупей.

Сколько лет прожил так Сапожок при полках 1-й Гвардейской дивизии, никто точно не знал, но, например, один из моих дядей, которому в 1870 году было уже за 60 лет, отлично помнил Сапожка и, увидав старика у меня, сразу его

узнал и очень ему обрадовался.

6 ноября 1868 года состоялось мое производство в офицеры. Я был произведен в прапорщики тринадцатым, сверх комплекта и лишь на третьем году офицерской службы попал в комплект полка.

Жалованье младшего офицера тогда составляло 312 рублей в год, которые выдавались по третям – 104 рубля в треть. В 1870 году последовало первое увеличение офицерского содержания в форме полугодового оклада, то есть 156 рублей, которые выдавались единовременно перед Пасхой.

6 ноября я был произведен в офицеры, а 15-го была отпразднована серебряная свадьба моих родителей.

Отмечаю здесь этот день, потому что он послужил как бы поворотной точкой в жизни нашей семьи.

Мы жили очень патриархально, никуда не выезжали, кроме дней семейных праздников в семьях дядей и другой родни. В своем внутреннем мире мы были поглощены учением, так как нам предъявлялись очень большие требования.

Вспоминая, как мы целые дни проводили за книгой или за писанием сочинений, кроме полутора-двухчасовой прогулки или катания на коньках, даже летом занимаясь по утрам, странно бывало слышать постоянные сетования на переутомление детей от учения.

Правда, к девяти часам вечера мы все уже были в постели и спали зимой до семи, а летом до шести часов.

Когда же подросли сестры, круг знакомых стал расши-

ряться, установились танцевальные вечера, на которые с осени 1868 года я смог уже приглашать моих полковых товарищей.

Так прожили мы до конца 1868 года, совершенно не замечая того, что творилось вне нашего дома, почти не зная внешнего мира. Даже хроническая болезнь моей матери, продолжавшаяся много лет, стала как бы нормальным явлением.

Никто из близких в это время не умирал.

Среди такого замкнутого круга нашей семейной жизни особенно ярко вспоминается весна 1862 года.

У отца была дача в 14 верстах от Петербурга на Парголовском озере, на которую мы переезжали возможно раньше, обыкновенно в конце апреля, и оставались на ней до октября, купаясь с самого дня переезда по день отъезда в город. В октябре температура воды в озере понижалась до 6 градусов.

В 1862 году ввиду обострившейся болезни матери нас, четырех младших (вторую сестру и трех братьев), отправили на дачу с нашей воспитательницей мадемуазель Лалле, отец же и старшая сестра остались с матерью в городе.

В тот год в Петербурге и во многих других городах возникали ежедневные пожары, охватывавшие целые улицы. Выгорало по несколько десятков, сотен домов, шли постоянные поджоги.

Особенно сильный пожар был в Духов день. Во время ежегодного в этот день гуляния в Летнем саду – смотрин купе-

ческих невест — подожгли гостиный двор, толкучий рынок, а по ту сторону Фонтанки у Чернышова моста лесные склады Громова и весь Жербаков переулоч.

От запылавших складов, досок, бревен, дров получил-ся такой каленый жар, что загорелось здание Министерства внутренних дел, по воздуху летали горящие головни (целые балки), толстые папки с делами, на воде горели садки.

Наша квартира находилась в Театральном переулке, окна большой гостиной и нашей классной комнаты выходили на Чернышевскую площадь против самого Министерства внутренних дел. Жар был так силен, что люди все время поливали водою стекла балконной двери и окна.

Мы с Лалле все время стояли на Парголовской горе, откуда город казался охваченным одним огненным кольцом и, наконец, не утерпев, переглянулись со старшим братом, побежали домой, сели верхом и тайком уехали в город, куда прибыли около девяти часов вечера. Родители сделали вид, что сердятся на нас, но мы по тому, как нас поцеловала мать, по лицу отца, по тону его вопросов, зачем приехали, понимали, что они в душе одобряют нас.

К вечеру следующего дня пожар начал затихать, склады дерева, деревянные дома Щербакова переулка, толкучий рынок выгорели дотла. Гостиный двор частью уцелел. Удалось при помощи впервые примененной паровой машины отстоять нижние этажи Министерства. Уцелела и наша квартира.

Когда мы с братом под вечер пошли по направлению к

Александрійскому театру, то увидали следующую картину: с Невского на Театральную площадь, мимо здания Публичной библиотеки свернул государь Александр II. Он ехал один, верхом, шагом, окруженный сплошной толпой народа, которая теснилась к нему, крестила его, целовала его руки, ноги, даже лошадь. Государь ехал на пожарище грустный, слезы временами капали из глаз.

Всего лишь год с небольшим тому назад, государь, освободивший десятки миллионов людей от крепостной зависимости, наделивший их землей, сделавший это одним росчерком пера (чему нет другого примера в мировой истории) видел кругом себя растущие злодеяния и не мог не скорбеть душою.

Виденная нами картина, обожание толпы не поддаются никакому описанию. Но она так и стоит у меня перед глазами.

Когда мы рассказали матери все виденное нами, она крепко поцеловала нас и сказала:

– А теперь поезжайте обратно, успокойте бедную Лалле, хотя ей уже сообщили, где вы.

Возвращаясь к празднованию серебряной свадьбы: это было наше последнее торжество, 12 марта 1870 года внезапно скончалась мать.

В мае женился старший брат, двадцатилетний студент 5-го курса Медико-хирургической академии.

Ранней осенью жившая у нас с отбытия в Париж мадему-

азель Лалле, англичанка мисс Эллен, заболела черной оспой и, проболев неделю, скончалась на руках моих сестер, не допустивших ее отправки в больницу.

Весной 1871 года вторично женился мой отец, на княжне Трубецкой, а вслед затем вышли замуж старшая сестра за барона Таубе, вторая сестра за Зубова, и они переехали на жительство в Псков.

В октябре 1872 года старшая сестра, отличавшаяся всегда крепким здоровьем, неожиданно скончалась от неблагополучных родов.

Недолголетен оказался и второй брак отца. Хотя они совершенно подходили друг другу по возрасту и в 1873 году у них благополучно родилась здоровая, крепкая дочь, отец с весны 1874 года стал недомогать. Объяснили это переутомлением от постоянной напряженной работы, и в начале лета того же года они уехали на продолжительный отдых за границу. Мы сначала переписывались, но затем, с середины лета, письма от него прекратились. Осенью отец и мачеха неожиданно вернулись и поселились на даче. Отец стал постепенно утрачивать дар речи, обнаружились признаки прогрессивного паралича. Проболев несколько месяцев, он скончался 22 января 1875 года, не дожив одного месяца до 56 лет.

Владимира Егоровича знала не только Медико-хирургическая академия, где он был тридцать пять лет профессором и ведал клиникой по внутренним болезням, но знал и любил весь Петербург, богатый и бедный, как врача, никогда нико-

му не отказавшего в помощи, всегда ехавшего к больному по первому зову, будь то днем или ночью, смелого в лечении и никогда не останавливавшегося ни перед какой ответственностью, если дело шло о спасении жизни.

Изменилось наше материальное положение, и в дальнейшем мы были предоставлены сами себе.

Так решительно поступила жизнь, разрушив наше гнездо и поставив нас перед своей действительностью.

Но возвращаясь к первым дням моего производства в офицеры.

В чине прапорщика я пробыл около шести лет. Вообще, пока существовало производство по полкам, в Семеновском же полку производства почти не было, и мы, семеновцы, в отношении продвижения в чинах намного отставали от своих сверстников других полков 1-й Гвардейской дивизии, но нам так хорошо жилось, что никто на это не сетовал и не расставался с родным полком.

Служба младших офицеров состояла:

а) в ответственном обучении своих взводов по всем отделам одиночного обучения и стрелкового дела;

б) в обучении грамотности и по уставам внутренней и гарнизонной служб;

в) в несении нарядов помощника дежурного по полку, в караулах и дежурными по военным госпиталям, кроме того, каждый младший офицер ежемесячно наблюдал за приготовлением пищи.

В то время каждая рота самостоятельно вела полное хозяйство, то есть не только варила обед и ужин, но пекла хлеб и варила квас. Государева рота славилась своим хлебом и кашей. Каша ставилась в чугунах в глубь хлебной печи и там парилась во все время выпечки хлеба, делаясь особенно мягкой и рассыпчатой. Масло в кашу выдавалось чухонское, по расчету 3 фунта на 100 человек.

Помню, как я, пробуя впервые пищу, увидав в котле какую-то, как мне показалось, грязную накипь, попрекнул кашевара и хотел приказать ее снять.

К счастью, за мной стоял Ксенофонт Максимыч, который шепнул:

– Ваше Высокоблагородие, ведь это вы велите навар снять.

Когда мы вышли с кухни, объяснил мне, что такое навар. Я был очень смущен, а когда рассказал об этом дома за обедом, сестры подняли меня на смех.

Чайного довольствия не было совсем. В казармы допускались сбитенщики, у которых желающие могли покупать сбитень по полкопейки за кружку. В лагерное время кроме сбитня единственным лакомством для солдат были оладьи, продававшиеся с лотка. За копейку солдат имел право взять одну оладью и обмакнуть ее в постное масло, кувшин с которым висел у лотка.

Посты соблюдались полностью до 1872 года, когда по настоянию врачей для улучшения питания людей постную пи-

щу приказано было варить лишь на первой, четвертой и седьмой неделях поста и в дни говения.

Приверженность к постам среди людей была так велика, что когда впервые на второй неделе сварили скоромную пищу, только один солдат во всем полку поел ее, остальные до нее не дотронулись и предпочитали оставаться на одном хлебе.

Офицерских собраний еще не было, но мы часто сходились по вечерам либо в дежурной комнате и биллиардной при ней, либо на квартире полкового адъютанта, штабс-капитана Ковалевского, а потом штабс-капитана Викулина, обменивались впечатлениями и беседовали до глубокой ночи. Об усталости никто никогда не упоминал.

Только когда приезжал отставной семеновец Бакунин, беседы переходили все пределы, так как Бакунин ни за что не ложился спать ранее пяти часов утра и любил начинать ужинать после двух часов ночи.

Однажды было решено отучить его от столь поздних «посиделок», и когда Бакунин появился во втором часу ночи, по обыкновению потребовав ужинать, ему заявили, что, к сожалению, ничего нет. Он не поверил, отправился обыскивать все шкапы, но ничего не нашел. Сперва было рассердился, но потом расхохотался:

– Это свинство, господа, предательство. Вы это нарочно против меня сделали. Посидел недолго и уехал.

Через день, когда мы стали уже расходиться, вдруг по-

явился Бакунин и торжественно заявил:

– Второй раз не надуете, прошу всех остаться, а ты (обращаясь к денщику) принеси с извозчика корзину и мы отлично поужинаем.

Пришлось с ним примириться.

Наезжали и другие старые семеновцы, среди них неугомонный Назимов. Этот не довольствовался беседой в излюбленной квартире, настаивал на поездку к Дюссо или Делуту (известный тогда ресторан), или в «Самарканд» к цыганам, где и давал волю своей широкой натуре.

Еще живо сохранялось воспоминание о последней его выходке, после которой, в сущности, ему и пришлось оставить полк.

Уехавши на воскресенье в город, Назимов к понедельнику в лагерь не вернулся, полку же предстоял высочайший смотр стрельбы. Командир полка граф П. А. Шувалов, зная повадку Назимова, командовавшего четвертой ротой, приказал полковому адъютанту Ковалевскому разыскать Назимова и во что бы то ни стало водворить его в лагерь.

Штабс-капитан Ковалевский с одним из ближайших друзей Назимова тотчас же выехали в Петербург, оттуда в Новую деревню на Минеральные воды Излера, где и застали Назимова в обществе знаменитой тогда шансонетной певицы Матильды, в которую он был без памяти влюблен. Когда за ужином стали настаивать на его немедленном возвращении в лагерь, Назимов объявил, что никуда от Матильды не уедет.

Пришлось прибегнуть к ее помощи, и она действительно уговорила его обещанием проводить до самого лагеря.

Назимов сдался, но потребовал, чтобы в честь Матильды была подана от Сабаева четверка серых с лентами в гривах.

И эта его фантазия была исполнена. Решимость Матильды проводить Назимова являлась настоящим самоотвержением с ее стороны, потому что ей пришлось одной ехать обратно на той же четверке, ибо в то время в лагерь гости допускались только в определенные дни, раз в неделю (у нас по четвергам).

В офицерскую столовую можно было вводить только офицеров других частей, все же остальные гости, даже семьи своих офицеров принимались или в бараке пригласившего, или в беседках в саду при офицерской столовой.

Особенно торжественным днем, настоящим военным праздником являлся день высочайшего объезда лагеря, заканчивавшийся зорей с церемонией при царской Ставке на левом фланге нашего полка.

При объезде войска стояли на передней линейке своих лагерей без оружия. Всюду раздавалась музыка и песни, а при появлении державного вождя, после ответа на приветствие, раздавалось громовое «Ура».

Государыня императрица, великая княжна и великие княгини следовали вдоль линии лагеря в парадных экипажах la Daumont, государь император на коне в сопровождении великих князей, дежурства, свиты и начальствующих лиц.

Зорю играли все хоры музыкантов и барабанщики (свыше 500 человек) под управлением Вурма. Молитву «Отче Наш» читал полковой барабанщик лейб-гвардии Преображенского полка.

В лагерное время все занятия и смотры производились в походной форме и только один раз, на параде в присутствии государыни императрицы Марии Александровны,¹⁰ войска выводилась на парад в летней парадной форме (мундир с эполетами и лацканами, в пехоте белые шаровары навыпуск).

По прохождении всех войск церемониальным маршем император Александр II сам принимал командование и, построив войска в общую резервную колонну, проводил их перед государыней императрицей, салютуя Ее Величеству. Все шли в ногу. Музыканты на ходу играли колонный марш, следуя при своих частях, получалось величественное зрелище.

В одну из вечерних бесед мы договорились о том, что наша полковая библиотека, насчитывавшая уже тогда свыше 4000 томов и постоянно пополняемая, далеко не в должном порядке, и что необходимо составить систематический каталог по отделам.

Сейчас же заявилиш шестеро желающих взяться за эту работу.

¹⁰ Великая княжна Мария Александровна (1853–1920) – дочь императора Александра II и императрицы Марии Александровны. С 1874 г. замужем за принцем Альфредом герцогом Эдинбургским. С 1893 г. герцогиня Саксен-Кобург-Готская, сохранила титул герцогини Эдинбургской.

Собирались по вечерам, работали усердно до глубокой ночи и составили каталог.

Не обошлось и тут без веселых ужинов.

Когда засиживались очень долго, один из нас, по очереди, отправлялся в Милютины лавки, покупал холодной еды и на обратном пути, в Троицком переулке, стучался в форточку булочной Филиппова и приобретал горячие булки.

Всю зиму каждое воскресенье полк, заступавший в караул по первому отделению, сдавал в Михайловском манеже в высочайшем присутствии развод с церемонией.

Часть, сдающая развод, строилась по одному фасу манежа, против нее, по другому фасу – офицеры всех полков Петербургского гарнизона с командирами полков во главе.

По команде «господа обер- и унтер-офицеры на середину марш!» государь обыкновенно добавлял «господам офицерам являться».

По этой команде каждый из офицеров, заступавший в караул, держа саблю «под высь», подходил к Его Величеству и, опустив саблю, рапортовал:

«Ваше Императорское Величество, такой-то караул наряжен».

Кажется просто, а между тем хорошо явиться было очень трудно. Волнение, которое мы испытывали, подходя к государю, и сотни глаз, следившие за каждым жестом являющихся, вызывали особенное напряжение. Зато, когда все бывало сойдет хорошо и по окончании развода услышишь от госуда-

ря: «Спасибо, семеновцы, за блестящий развод», появлялось чувство какого-то особенного удовлетворения.

Среди ровного течения мирной жизни три события в течение 1872 года внесли большое оживление во внутреннюю жизнь полка.

В Вербное Воскресение сдавал развод 1-й батальон Семеновского полка. Когда по прибытии «сбора» вышли вперед обер- и унтер-офицеры, вместо обычных слов «господам офицерам являться», государь, подозвав наследника, повелел взять «на караул» и громко произнес:

– Поздравляю вас с новым начальником дивизии.

Долго несмолкаемое «Ура!» было ответом на эти слова.

Когда Его Величество отбыл из Манежа, старый начальник дивизии генерал-адъютант Дрентельн подошел к нам и сказал:

– Встаньте, господа, кругом, сейчас наследник цесаревич придет благодарить вас от имени государя за действительно блестящий развод.

Долго не шел наследник. Наконец решился, стал подходить быстрыми шагами и вошел в круг, покраснел до того, что весь затылок побагровел.

Постояв несколько мгновений, цесаревич обратился к генерал-адъютанту Дрентельну:

– Не могу, Александр Романович, скажите вы им, – и быстро удалился.

Генерал-адъютант Дрентельн улыбнулся и сказал:

– А между тем государь император дал Его Императорскому Высочеству самое приятное поручение поблагодарить вас за блестящий развод и за то, как вы отлично все щегольски, строго являлись, по форме одеты.

На Фоминой неделе прибыл в Петербург старый германский император Вильгельм¹¹ благодарить государя императора за пожалование в его лице германской армии ордена Св. великомученика и победоносца Георгия I степени и назначения его шефом 13-го драгунского Военного ордена полка.¹²

По случаю этого приезда состоялись торжества: после парадного обеда зоря с церемонией на Дворцовой площадке и парад войскам на Царицыном Лугу.

Весна стояла холодная. Царицын Луг еще был замерзший. Градоначальник генерал-адъютант Трепа¹³ решил во чтобы-то ни стало осушать луг. С этой целью за день до парада весь луг был уложен кубами дров на одну сажень друг

¹¹ Вильгельм I (1797–1888) – германский император (с 1871), сын прусского короля Фридриха Вильгельма III и Луизы Мекленбург-Штрелицкой. Регент (1857), король Пруссии (1861).

¹² 13-й драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полк сформирован в 1709 г. как Драгунский гренадерский полковника фон дер Роппа полк. С 1864 г. – 13-й драгунский Военного ордена полк. С 1882 г. имел номер 37, с 1907 г. – 13. В 1914 г. входил в 1-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии 14-го армейского корпуса. Дислокация – г. Гарволин Варшавской губернии.

¹³ Имеется в виду Федор Федорович Трепов (1808 или 1812–1889) – русский государственный и военный деятель. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, затем санкт-петербургский обер-полицмейстер (1866–1873) и градоначальник (1873–1878).

от друга и зажжен. Но результат от такой топки получился обратный. Луг глубоко растопило и получилась вязкая грязь. Пока проходила пехота, было тяжело только нам. Когда же пошла артиллерия, а за нею кавалерия и государь стал подавать сигналы «рысь и карьер», то грязь взлетала стеной к стороне императоров.

Также состоялись смотр батальона лейб-гвардии Семеновского полка с числом рядов по военному времени, на котором был подробно показан новый только что высочайше утвержденный устав – «действия в сомкнутом и в рассыпном строях», все действия в рассыпном строю были проведены со стрельбой холостыми патронами; и смотр 13-го драгунского Военного ордена полка, нарочно вызванного из Ковно для приветствия шефа.

В этом же году исполнилось 200 лет со дня рождения Петра Великого.

Ко дню парада в Петербург был доставлен ботик собственноручной работы Петра и торжественно провезен перед фронтом войск.

Почетными парными часовыми к ботику были назначены унтер-офицеры от полков Петровской бригады (лейб-гвардии Преображенского и Семеновского). Часовые стояли у ботика в парадной форме времен Петра. Мы выбрали четыре пары одна красивее другой настолько, что старые генералы приезжали в полк и просили показать им часовых.

Великим днем являлся день полкового праздника, 21 но-

ября, Введение во храм Пресвятой Богородицы.

К празднику тщательно готовились, даже шитье новых мундиров мы, офицеры, подгоняли к этому дню и обновляли их на Церковном параде. В ротах, помимо улучшенной пищи, устраивались развлечения, допускались гости, танцы.

Накануне праздника в полковом соборе, после всеобщей, служили панихиды по всем почившим Державным шефам полка, по всем семеновцам, живот свой на поле брани положившим и мирно почившим.

После панихиды все собирались на чай в дежурную комнату. Самыми дорогими гостями были старые семеновцы, посещавшие нас в этот день, и беседа с ними затягивалась на долгие часы.

Вечер целиком принадлежал нам.

В ноябре 1872 года в Петербург прибыл император Франц Иосиф,¹⁴ и государю благоугодно было назначить в честь него парад войскам на 22 ноября.

Кому-то из осторожных пришла мысль о необходимости ввиду высочайшего смотра перенести домашнее празднование полкового праздника на другой день.

Командир полка предложил спросить офицеров. Мы же и мысли не допускали о перенесении празднования на иной день и единогласно ответили:

¹⁴ Франц-Иосиф I (Франц-Иосиф-Карл Габсбург-Лотарингский) (1830–1916) – император Австрии (1848) и апостольский король Венгрии (1867), сын австрийского эрцгерцога Франца.

– Праздник справлять как всегда, что касается парада, то ручаемся и за себя и за людей.

Командир улыбнулся:

– Справляйте по-семеновски, но в полночь всему конец.

Слово командира для нас было, что закон, все было точно исполнено, и на другой день на параде полк представился блестяще.

Но раз случилась и беда: на высочайшем смотре стрельбы стрелковых батальонов и рот 2-я стрелковая рота, числившаяся первой во всем Петербургском округе, в этот раз не вошла даже в оценку.

Ротный командир капитан Савицкий, уже много лет командовавший ротой, стоял бледный, как полотно, вся рота потупилась.

Государь, выслушав доклад, проехал дальше, не сказав ни слова.

Уже все начальство уехало, другие части начали расходиться, а командир и рота все также стояли. Никто и слова не проронил.

Вдруг смотрим, полной рысью на своем Полкане едет генерал-адъютант Дрентельн:

– Чего, семеновцы, носы повесили, случайная неудача в счет не идет, какими были отличнейшими молодцами, такими и остались, с песенниками домой.

Тронулись, попробовали запеть, но не смогли.

Больше всего людей пригнетало то, что никто, ни млад-

шие офицеры, ни ротные, ни батальонные, ни полковой командир ни единым словом не попрекнули роту.

В 1874 году была впервые введена всеобщая воинская повинность и набор произведен на основании нового закона.

Несмотря на обширные льготы по образованию, на введение института вольноопределяющихся, многие студенты не пожелали воспользоваться предоставленными им льготами, добровольно тянули жребий и отбыли повинность на общем основании.

Все зачисленные в полк студенты замечательно добросовестно относились к службе, всем служили примером и оставили по себе добрую память.

Заканчивая воспоминания о годах, проведенных в строю родного полка, не могу не отметить одного впечатления, которое испытывалось не только мною, но и большинством офицеров, сжившихся и сроднившихся с полком, с его внутренней жизнью и чутко воспринимавших все до него касавшееся.

Как ни воздавал нам за наши труды император Александр II, как ни благодарил за все смотры, за блестящее состояние полка,¹⁵ все же чувствовалось, что нет к полку того полного душевного благоволения, какое проявлялось у государя к другим полкам.

¹⁵ Речь идет о 1-й гвардейской пехотной дивизии. Сформирована в 1807 г. 1-я бригада – лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки; 2-я бригада – лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки. Входила в 1-й Гвардейский корпус, дислокация – Санкт-Петербург.

Такое же отношение к полку чувствовалось и при императорах Александре III и даже при Николае II. Причина этого явления крылась в одном событии из жизни Семеновского полка, в 1822 году, когда полк был обвинен в бунте и сразу утратил расположение императора Александра I, до того особенно любившего полк.

Вот что мне известно по поводу этого события со слов покойного генерал-лейтенанта Николая Константиновича Языкова, отец которого был офицером старого Семеновского полка, и со слов Елизаветы Борисовны Почацкой, родной сестры князя Трубецкого, также офицера старого Семеновского полка.

Император Александр I особенно любил Семеновский полк, самым близким лицом к императору был тогда генерал-адъютант князь Волконский, неотлучно состоявший при государе, сопровождавший его во всех поездках по России, сам офицер и командир старого Семеновского полка.

В первые годы царствования императора Александра I служба солдата была пожизненная, а затем был установлен срок в 25 лет.

Проезжая через города и села, государь был всюду встречаем населением хлебом-солью. Государь беседовал с жителями и часто, во время этих бесед, Его Величество вдруг обращался к князю Волконскому:

– Посмотри какой красавец, он как раз подойдет в такую-то роту. Запиши его в Семеновский полк.

Так постоянно полк пополнялся отборными людьми, среди которых попадали сыновья дворовых, игравшие и учившиеся вместе с господскими детьми, владевшие часто иностранными языками.

Если припомнить, что в те годы, начиная с 1805-го и заканчивая 1814-м, полк принял участие во всех европейских войнах, в избавлении Родины от нашествия Наполеона, в битве народов под Лейпцигом и во вступлении наших войск в Париж, то станет ясно, что полк, ввиду особенностей своего формирования, выделялся. Офицеры близко стояли к солдатам, вникали во все их нужды, делились с ними книгами и даже иностранными журналами, телесные наказания в полку не применялись.

Так шла жизнь полка до 1818 года.

В 1818 году император Александр Павлович во время пребывания на Эрфуртском конгрессе впервые услышал от князя Миттерниха,¹⁶ что в самой России в отношении революционных течений не вполне благополучно, и что эти течения нашли благоприятную почву в любимом государя Семеновском полку.

Пораженный этими сведениями, Александр Павлович по возвращении в Петербург поделился ими со своими братьями и по настоянию великого князя Михаила Павловича было

¹⁶ Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) – австрийский дипломат, в 1809–1821 гг. – министр иностранных дел. Председатель на Венском конгрессе в 1815 г., один из организаторов Священного союза.

решено подтянуть полк, для чего командиром был назначен генерал-майор Шварц, узкий фронтовик, жестокий по натуре, Шварц совершенно не понял, с каким полком имеет дело. Начались мелкие придирки, были восстановлены телесные наказания.

Один из излюбленных приемов подтягивания заключался в следующем: каждый день, в семь часов утра, в зал командирского дома должны были прибывать по одному рядовому от каждой роты, раздеться, сложить по форме вещи на расставленных табуретках и голыми ожидать появления командира полка.

Шварц входил, проверял, так ли разложены вещи, и приказывал одеваться.

Если кто-либо при этом ошибался, то Шварц, сам маленького роста, вскакивал на табуретку, надевал провинившемуся кивер и бил по нему до тех пор, пока кивер не спускался через лицо и уши до самой шеи.

Не лучше шло и на учениях. Особенно он придирался к государственной роте, сплошь состоявшей из Георгиевских кавалеров.

Дошло наконец до того, что в 1822 году¹⁷ на одном из строевых учений расвирепевший Шварц приказал арестовать государственную роту и отвести ее в Петропавловскую крепость.

Вот тут впервые полк не сдержался и раздались голоса:

¹⁷ Автор ошибается – «бунт» произошел в конце 1820 г.

– Государева рота нам голова, если ее арестовать, то и мы вместе с ней пойдем в крепость.

Испугавшийся Шварц поскакал к великому князю Михаилу Павловичу и доложил, что в полку вспыхнул бунт.

Великий князь поверил, доложил государю и было решено раскассировать полк.

В Петербург был приведен 9-й пехотный Новоингерманландский полк,¹⁸ переодет в семеновские мундиры, а всех семеновцев раскассировали по другим полкам с таким расчетом, чтобы никуда более шести человек не попало.

Полк был переведен в молодую гвардию и вернул себе права старой гвардии лишь в 1831 году за штурм Воли.¹⁹

И вот с того времени, несмотря на все заслуги, Семеновский полк все же был в подозрении. Даже доблестное поведение полка в 1905 году не вполне загладило это отношение.

В 1875 году я поступил в Академию Генерального штаба.

¹⁸ Автор неточен либо в номере, либо в названии полка – существовали пехотные 9-й Ингерманландский и 10-й Новоингерманландский. 9-й пехотный Ингерманландский императора Петра I полк сформирован в 1703 г. С 1864 г. – 9-й пехотный Староингерманландский полк, с 1903 г. – 9-й пехотный Ингерманландский императора Петра I полк. В 1914 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация – Калуга. Расформирован в 1918 г. 10-й пехотный Новоингерманландский полк сформирован в 1790 г. как Новоингерманландский пехотный полк. С 1864 г. – 10-й пехотный Новоингерманландский полк. В 1914 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация – Калуга. Расформирован в 1918 г.

¹⁹ Имеются в виду события Польского восстания 1831 г. Предместье Варшавы – укрепленный район Воля – было взято штурмом русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича 25 августа 1831 г.

В то время еще не было столь многочисленных приемов. Вступительный экзамен производился довольно строго.

В течение младшего курса и первых съемок к проходившему курс присматривались, а сортировка шла при переходных экзаменах с младшего курса на старший. Зато кто успешно их выдерживал, считался уже желательным в академии как будущий офицер Генерального штаба.

В дальнейшем ему во всем помогали, и только собственное нежелание серьезно заниматься могло повлечь неудачу на экзаменах, на темах дополнительного курса и отчислении от академии.

Так было и с нами. На приемный экзамен явилось 85 офицеров, из них выдержали вступительный экзамен и были зачислены в академию 36, из этих 36 перешли на старший курс 24, которые успешно окончили академию (18 – по первому разряду, 6 – по второму).

Наш выпуск был последним при генерал-лейтенанте Леонтьеве, скончавшемся весной 1878 года от рака.

Генерал-лейтенант Леонтьев стоял во главе академии в 1865 года. Своим твердым руководством, необычайным тактом и умелым подбором профессоров совершенно преобразовал внутренний быт и внешний облик будущих офицеров Генерального штаба и поставил академию на такую высоту, какой она не достигала ни до него, ни после.

Мы еще застали всех лучших из старых профессоров: по

прикладной тактике и стратегии генерал-лейтенанта Леера,²⁰ по военной истории генерал-майора Станкевича. по статистике иностранных государств (обзор пограничных театров войны) генерал-майора Обручева,²¹ по статистике России генерал-лейтенанта Макшеева,²² по геодезии генерал-майоров Рехневского и Штубендорфа, по русскому языку профессора Галахова, по международному праву профессора Феоктистова. При нас же начали чтение лекций молодые профессора: по тактике пехоты полковник Гудима-Левкович, по тактике кавалерии, а затем и военной истории полковник Сухотин.²³

²⁰ Леер Генрих Антонович (1829–1904) – русский военачальник, профессор военного искусства. С 1865 г. профессор кафедры стратегии и военной истории Николаевской академии Генштаба и профессор такой же кафедры Инженерной академии. В 1889–1898 гг. начальник Николаевской академии Генштаба. Автор многих трудов по стратегии и тактике, военной истории.

²¹ Обручев Николай Николаевич (1830–1904) – русский военный деятель. Участник венгерской кампании 1849 г. и Крымской войны. В 1856 г. адъютант-профессор кафедры военной статистики, в 1857–1875 г. профессор, в 1875–1878 гг. почетный профессор (с 1893 г. – почетный член) Николаевской академии Генштаба. В 1876 г. главный исполнитель при разработке стратегического плана войны с Турцией 1877–1878 гг. Генерал-адъютант (1878), генерал-лейтенант (1887). В 1881–1897 гг. начальник Главного штаба. С 1893 г. член Государственного совета и почетный член Академии наук. Автор ряда капитальных трудов по военной истории и военному искусству.

²² Макшеев Алексей Иванович (1822–1892) – русский генерал. С 1854 г. профессор Николаевской академии Генерального штаба. В 1866 г. генерал-майор, в 1879 г. генерал-лейтенант; с 1864 по 1891 г. член Военно-ученого комитета Главного штаба.

²³ Речь идет о работе Сухотина Н. Н. «Рейды, набеги, наезды, поиски конницы

Пропускать лекции не приходилось не только потому, что по уставу академии посещение лекций было обязательно и приравнялось к служебным обязанностям, но такие профессора, как Леер, Обручев, Макшеев, в своих лекциях часто излагали столько нового, еще не вошедшего в руководства, что без записи лекций нельзя было с успехом выйти к экзамену.

Генерал-майоры Леер, Обручев, Станкевич читали так увлекательно, что мы заслушивались. Генрих Антонович Леер, имея в своем распоряжении время после большого перерыва (от 12.30 до 3 часов), читая прикладную тактику или стратегию, не только увлекал нас, но и сам так увлекался иногда, что забывал про перерыв между лекциями и заканчивал чтение далеко после трех часов.

Кроме слушания лекций, к нашим услугам были библиотека академии и богатейшая библиотека Главного штаба.

В перерывах между лекциями процветала шахматная игра, особенно вчетвером.

Так и мы четверо: Водиско, Надаров, Чичагов и я, постоянно садились за четверную партию.

Мнение, что переходный экзамен на старший курс почти наверняка предрешал успешное окончание академии, настолько установилось среди состоявших в ней офицеров, что вслед за окончанием этих экзаменов все выдержавшие их сходились на общий обед, за которыми происходило на-

стоящее братание.

Будучи в академии, я связи с полком не порывал. Не удалось только летом 1877 года выступить в поход с родным полком. Гвардия выступила в поход в конце лета, а наш выпуск последовал лишь осенью.

Тотчас по окончании курса мы все были причислены к Генеральному штабу и отправлены на театр войны: 18 человек на европейский и шестеро на кавказский.

Я попал в штаб 9-го армейского корпуса.

Глава II

28 ноября 1877 года пала Плевна,²⁴ сдалась армия Османа-паши²⁵ и возобновилось победоносное наступление нашей армии. Войска Гурко,²⁶ перевалив в декабре Балканы, заняли Софию и, продолжая безостановочно преследовать противника, подошли к Филиппополю, в трехдневном бою с 3 по 5 января 1878 года окончательно разгромили армию Сулеймана-паши,²⁷ остатки которой разбрелись по Родопским горам.

²⁴ Всего за время осады Плевны произошло три сражения: «Первая Плевна» – 8 июля 1877 г., «Вторая Плевна» – 18 июля и «Третья Плевна» – 30 августа. Затем русские войска перешли к осаде города, и 28 ноября он пал.

²⁵ Осман Нури-паша (1832–1900) – турецкий генерал, командовал войсками при осаде и взятии Плевны 8 июля – 28 ноября 1878 г. Был вынужден капитулировать, в бою был ранен, попал в плен. За мужество император Александр II вернул пленнику саблю.

²⁶ Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) – русский военачальник, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1877 г. генерал-адъютант, кавалер ордена Св. Георгия III и II степеней. В 1879–1880 гг. временный генерал-губернатор Санкт-Петербурга, в 1882–1883 гг. генерал-губернатор Одессы, в 1883–1894 гг. генерал-губернатор Варшавы и командующий войсками Варшавского военного округа. С 1894 г. генерал-фельдмаршал.

²⁷ Сулейман-паша (1838–1883) – турецкий генерал. Отличался крайней жестокостью по отношению к болгарскому мирному населению и военнопленным. В 1877 г. командовал турецкими войсками во время боев на Шипкинском перевале. В 1878 г. командовал турецкой армией в сражении под Филипполем. После войны был осужден и разжалован.

Войска Радецкого,²⁸ спустившись с Шипки,²⁹ заставили армию Весселя-паши положить оружие.

5 января мы заняли Адрианополь, и путь на Константинополь был открыт. Продвигаясь к югу, наши войска дошли до берегов Эгейского моря и заняли Демотику и Деде-Агач. Главная же масса войск была двинута на Константинополь и Галлиполи.

В тылу было образовано Адрианопольское генерал-губернаторство. В его состав вошли все занятые нами земли к югу от Балкан. Генерал-губернатором назначен командир 9-го корпуса Генерального штаба генерал-лейтенант Свечин.

Особого штата управления сформировано не было, и обязанности начальника канцелярии генерал-губернатора нес начальник штаба корпуса, а чинов канцелярии – офицеры штаба.

Работа по устройству края было огромна.

В течение первых четырех месяцев была разобрана 31 тысяча жалоб. К счастью, удалось нанять хороших переводчиков, ибо жалобы подавались преимущественно на турецком, армянском и греческом языках.

²⁸ Радецкий Федор Федорович (1820–1890) – русский военачальник. В 1877 г. генерал от инфантерии, командир 6-го армейского корпуса. Награжден орденом Св. Георгия III и II степеней. С 1878 г. генерал-адъютант. В 1882–1888 гг. командующий Харьковским, в 1888–1889 гг. – Киевским военными округами. С 1888 г. – член Государственного совета.

²⁹ Имеются в виду боевые действия в районе Шипкинского перевала в Болгарии в июле – декабре 1877 г.

В Адрианаполе скопилось свыше 20 тысяч мухаджиров, то есть жителей, бежавших из своих деревень и городов, побросавших все свое добро и буквально голодавших. Все это были мусульмане. Гордые турки ничего не просили, но их жены и дети с чашечками в руках робко подходили к солдатским столовым и ожидали, пока не раздадут пищу. И солдаты, обязательно ворча, выругавшись нехристями, тут же щедро наполняли их чашки щами и делились хлебом.

Дошло до того, что начальник пятой дивизии, посетив кухню, остался крайне недоволен жидкой пищей и приказал провести расследование. Оказалось, что люди столько отливали в чашки жителей, что кашевары должны были лить в котлы в полтора раза больше воды, чем полагалось при раскладке. Прочитав расследование, начальник дивизии приказал увеличить дачу мяса до полутора фунтов в день на человека и наблюсти, чтобы щедрость людей не слишком шла в ущерб их собственному питанию.

Но вскоре подошла новая беда.

С переходом войск на покой, началась реакция в натруженных организмах. Сказались последствия перехода Балкан в глубоких снегах Плевацкого обхода семеновцев, во время которого три человека умерли от натуги, перехода Петровский бригады вброд по грудь через реку Марицу 4 января 1878 года и затем бивакирования на снегу, снежной выюги на Баба-горе, когда, несмотря на все принятые меры спасения, остались погребенными под снегом до восьмисот

человек и орудия, стоявшие на позиции – и других подобных подвигов.

Открылся сыпной тиф и сразу достиг таких размеров, что число имевшихся при армиях госпиталей совершенно не могло удовлетворить потребности в лечении.

Чтобы возможно лучше устроить больных, поддержать энергию медицинского персонала генерал-лейтенант Свечин сам ежедневно посещал больных и наблюдал за отводом новых помещений.

Отводились лучшие дома: в каждой комнате больные размещались, по возможности, на тюфяках, рядами – первый ряд шаг отступя от окон, по одному шагу между больными и по два шага между рядами, пока не заполнялась каждая комната.

Во время своих посещений больных генерал-лейтенант Свечин сам заразился, но, несмотря на увещевание врачей, на появившуюся сыпь и временами бред, генерал оставался на ногах и продолжал руководить всем делом вплоть до вечера 18 февраля, когда наконец была получена телеграмма о подписании мира в Сан-Стефано.

Прочитав телеграмму, генерал-лейтенант Свечин позвал меня и отдал следующее приказание (привожу дословно, так как такие вещи никогда не забываются): «Вы и все офицеры штаба сейчас же садитесь верхом, объезжайте город и объявляйте всем начальникам, офицерам, солдатам и жителям, что мир подписан и врагов больше нет. А я теперь имею пра-

во лечь. Сил больше нет». Лег около девяти часов вечера и в час ночи скончался на руках моего старшего брата.

Он был торжественно погребен в Адрианополе, а затем по высочайшему повелению тело его было перевезено в Россию.

18 февраля был днем восшествия на престол государя императора Александра II. На торжественном богослужении перед молебном старший священник армии обратился к нам со словом, которое начал так:

– На востоке с давних времен существует сказание, что белый медведь восстанет на луну и будет между ними борьба великая, и белый медведь победит луну, и этот белый медведь – это вы все, господа...

Настроение в Адрианополе было беспокойное. Ходили постоянные слухи о предстоящей будто бы резне христиан, что представлялось совершенно невероятным, ибо в городе стояло пять батальонов (17-й Архангелогородский полк³⁰ и два батальона 18-го Вологодского полка³¹). Тем не менее слухи не утихали.

³⁰ 17-й пехотный Архангелогородский Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полк был создан 25 июня 1700 г. как пехотный Алексея Дедюта Архангелогородский полк. После ряда переименований с 22 февраля 1811 г. стал называться Архангелогородским пехотным полком, а с 11 февраля 1908 г. ему было даровано шефство великого князя Владимира Александровича. В 1914 г. входил в 5-ю пехотную дивизию.

³¹ 18-й пехотный Вологодский Его Величества Карла I короля Румынского полк был сформирован 16 мая 1803 г. как Вологодский мушкетерский. После нескольких переименований 18 июля 1898 г. уже как 18-й пехотный Вологодский полк получил шефство короля Румынии. В 1914 г. находился в 5-й пехотной дивизии.

Дело дошло до того, что в один из вечеров Страстной недели к генерал-губернатору прискакал верхом помощник Адрианопольского полицмейстера, поручик 12-го стрелкового батальона,³² и доложил, что вокзал атакован и захвачен, и что когда он скакал через мост предместья Карагач, шел такой ружейный огонь, какого он ни разу не слышал за весь первый Забалканский поход.

Удивленный генерал-губернатор барон Деллингсгаузен тотчас приказал вызвать по тревоге два батальона для направления к станции и поседлать состоявшую при штабе сотню 34-го Донского казачьего полка.³³ Но прежде чем батальоны успели выступить, с вокзала прибыл урядник с запиской от генерал-лейтенанта Горшкова, прошедшего перед тем весь день у генерал-губернатора:

– Успокойтесь, дорогой барон, к вам поскакал какой-то сумасшедший болван. Здесь произошла глупая паника, я всех обругал и сейчас все спокойно.

Было произведено тщательное расследование, которое, однако, выяснило лишь одно: действительно произошла паника, но кем и чем вызванная – установить не удалось.

³² 12-й стрелковый батальон был создан 7 января 1834 г. как Гренадерский стрелковый, переименованный 28 декабря 1847 г. в Резервный стрелковый батальон. 6 декабря 1856 г. был назван 12-м армейским стрелковым батальоном, 31 декабря 1888 г. переформирован в двухбатальонный 12-й стрелковый полк (входил в 3-ю стрелковую бригаду, позднее дивизию).

³³ 34-й Донской казачий полк был создан в качестве второочередного 23 марта 1888 г.

Часовой караул на одном из фортвов показал, что к форту подходила группа людей, которая на его трижды повторенный окрик «стой, кто идет», не остановилась. Тогда он выстрелил. В ответ на его выстрел последовал залп со стороны подходивших людей, которые затем разбежались.

На самой же станции, где происходила посадка больных и раненых в санитарный поезд, вдруг поднялась суеа, все, кто только мог, бросились в вагоны и поезд самовольно отошел, но потом вернулся.

Так и пришлось это дело предать забвению. Только поручик был отчислен от должности помощника полицеймейстера и отправлен в батальон.

В эту же пору генерал-губернатору стали поступать донесения об отходе наших войск от Демотики, о восстании жителей в Родопских горах и, наконец, о переходе наших войск на левый берег реки Арды, причем о потерях никто не доносил.

Тогда барон Деллингсгаузен поручил мне объехать край и донести, что там действительно происходит.

Прибыв в Мустафу-Пашу, в район 9-го уланского Бугского полка,³⁴ я предъявил командиру полка свои документы, взял в конвой взвод улан и выступил в долину реки Арды к Родопским горам.

³⁴ 9-й уланский Бугский полк имел непростую историю. Только 28 ноября 1857 г. он получил наименование Бугского уланского генерала от кавалерии Сиверса полка, а затем 22 июня 1912 г. стал 9-м уланским Бугским.

Глазам нашим представилась следующая картина: наиболее богатейший край был совершенно брошен – жители, зарезав скот, ушли в горы, и в течение двух дней мы не встретили ни одной живой души и не могли ничего достать поесть. Люди довольствовались сухарями, а командир взвода и я бисквитами Альбера, коробки коих по счастью оказалась у меня во вьюке.

На третий день мы достигли района 30-го Донского казачьего полка.³⁵

Полк уже много дней стоял, не расседывая лошадей, в ожидании внезапного нападения. Но на чем были основаны подобные опасения, командующий полком, войсковой старшина Грузинов, ясно объяснить не мог.

Кругом царило такое же разорение и полное отсутствие жителей.

Отпустив улан, я остался при 30-м Донском полку с тем, чтобы на утро продолжать объезд. Вместо конвоя полковой старшина Грузинов пожелал сам выступить со мною с двумя сотнями.

При дальнейшем продвижении картина представилась та же – жители бежали, но богатейшие села были менее разорены. Походя к деревне Пепсолан, мы были встречены ружейными выстрелами, по горам, по обе стороны дороги виднелись группы людей, некоторые из них в турецких мундирах,

³⁵ 30-й Донской казачий полк сформирован как второочередной 23 марта 1888 г.

и хотя людей было едва видно глазом, пули свистели высоко над головами, и пришлось сделать вывод о том, что перед нами мелкие остатки разбежавшейся армии Сулеймана-паши.

Одна из сотен была спешена, рассыпана в цепь и, открыв огонь, быстро начала наступать.

После первых же наших выстрелов, люди на высотах разбежались и исчезли бесследно, мы прошли ущелье без всяких потерь и в следующей деревне стали на ночлег.

Пока войсковой старшина Грузинов отдавал свои распоряжения, я написал донесение начальнику штаба корпуса так, как здесь изложено это столкновение, и в конце добавил – потерь никаких.

Вошел войсковой старшина Грузинов. Я прочел ему свое донесение.

– Помилуйте, да разве так можно? Ведь подумают, что ничего не было.

– Да ведь и на самом деле так ничего не было, – ответил я.

– Все же надо расписать, что казаки, под огнем противника наступали с беззаветной храбростью...

Он был очень огорчен, когда я предложил ему послать отдельное донесение, а мое пойдет такое как есть.

К моему великому удивлению на обед подали борщ с курицей. Где они ухитрились ее достать – это их секрет.

К вечеру этого дня удалось, наконец, задержать одного турка – местного жителя, который, успокоенный обещанием, что после показания он будет сейчас же отпущен, рассказал

следующее:

– Когда пришли войска, все стали брать и платили за все, а потом стали брать без денег, а если мы не давали, грозили нагайкой, забрали даже то, что у нас было зарыто на семена. Тогда мы бежали в горы.

Я его действительно отпустил и поручил передать всем, чтобы возвращались в свои дома, их никто больше не тронет и, если они честно покажут свои убытки, то таковые им будут уплачены.

По возвращении в Адрианополь я представил подробный доклад, в котором указал, что необходимо запретить дальнейшие боевые действия, успокоить население, уплатив ему за насильно забранное у него, и тогда жители вернутся в свои села и восстание само собой затихнет.

Генерал-губернатор одобрил доклад. 9-й уланский Бугский и 30-й Донской казачий полки были выведены из этого района, а на их место, в район Родопских гор, был двинут отдельный отряд из двух батальонов пехоты и 9-го драгунского Казанского полка³⁶ под начальством полковника Тимирязева. Я был назначен в его распоряжение и нес обязанности начальника штаба отряда.

Штаб отряда и два эскадрона были расквартированы в селении Инджекией, остальные эскадроны и роты по соседним

³⁶ 9-й драгунский Казанский Его Императорского Высочества великой княжны Марии Николаевны полк был создан 15 июня 1701 г. как Драгунский полковника Зыбина полк. После многочисленных переименований и переформирований 14 июля 1912 г. полк получил свои окончательные название и шефство.

деревням.

Замирение края пошло чрезвычайно быстро, жители тотчас же вернулись по своим селам и зажили нормальной жизнью. Красота и богатство края поражало. Большинство сел со смешанным населением были расположены по обоим берегам многочисленных речек – по одному берегу турецкое, по другому – болгарское.

Взаимные отношения жителей были самые близкие, честность и доверие полное. Когда за время войны приходилось бежать, болгарам они все свое достояние до денег включительно несли и отдавали туркам. Когда же наступал черед бежать туркам – они с такой же верой сдавали все болгарам. Каким было богатство края, могут свидетельствовать следующие факты: когда мы стали устраивать хлебопечение, жители села Инджекией предложили поставлять хлеб в готовом виде.

Когда им на это сказали, что ведь на два эскадрона и на штаб нам потребуется по 300 ок (око – 3 фунта) хлеба в день, они ответили: «Так что же, триста ок и будем поставлять». И село в сто десять дворов, дважды ограбленное, исправно поставляло это количество хлеба в течение двух месяцев.

Труднее было со скотом. На предложение продать скот жители уверяли, что у них нет скота, что часть его погибла, другая была захвачена войсками. Когда же им было объявлено, что мы все равно должны взять скот по реквизиции, с платой за него по установленной главнокомандующим таксе,

то они взмолились: «Только не берите у тех, у кого меньше пяти голов». Таких хозяев в огромном селе Курашлы (260 дворов) оказалось всего шесть.

Когда жители окончательно привыкли к нам, то объяснили, что весь скот и другое ценное достояние были ими припрятаны в горах.

Стояли совершенно спокойно, и только раз случилась тревога в роте, стоявшей в селе Кадыкией в четырех верстах от штаба. Ночью мы были разбужены ружейной перестрелкой, которая все усиливалась, мы тотчас выехали в Кадыкией.

Но когда подъезжали, в деревне огонь затих и ротный командир доложил, что первые выстрелы были сделаны часовыми. Моментально из домов стали выбегать люди и в черной тьме стреляли куда попало. С трудом удалось их собрать на горке за деревней и водворить порядок. По счастью, никто не был даже ранен, несмотря на то, что перестрелка продолжалась минут 20. Рота была строго наказана, командир смещен.

Пока все это разобрали, рассвело, и я решил проехать на стоявший в пяти верстах к югу в деревне Кавак-Махалесси драгунский пост.

Старший на посту подошел с рапортом и доложил: на посту несчастье. Едва стало светать, как часовой заметил, что в кустах на расстоянии дальнего ружейного выстрела проезжала группа всадников (человек пятнадцать). По знаку часового к нему подошел взводный вахмистр. В это время всад-

ники на ходу дали залп по часовому. Часовой был убит, подошедшей к нему взводный тяжело ранен в живот.

Недаром говорят – от судьбы не уйдешь. Там, в Кедыкие, целая рота, метаясь в темноте по селу, стреляла куда попало и никто даже не был задет. А тут по посту дали залп на ходу, с предельного может быть расстояния, и оба находящиеся на посту были убиты (взводный вахмистр к вечеру того же дня скончался).

Условия жизни были нелегкие: жили мы тесно, спали на полу, так как походных кроватей не было, огонь разводили тут же на земляном полу, дым уходил в большую дыру в крыше, потолка не было.

Но красота кругом и наступившая весна все скрашивали. Да и в пище и табаке недостатка не было, притом дешевизна была необычайная, например за пару цыплят брали шесть галаган, это наш двугривенный.

Помню, как мы раз сидели на завалинке и беседовали с нашим хозяином. Полковой адъютант князь Шаховской скрутил папиросу из отличного табаку Книдже, за око которого в Адрианополе он заплатил три лиры и предложил хозяину. Тот раза два затянулся, сказал: «хорошо, но подожди», побежал в хату и вернулся с пачкой табачных листьев в руке, доской и коротким широким ножом, крепко сдавил листья в ладони левой руки, нарезал их тонкими слоями, скрутил папиросу и, подавая ее Шаховскому, сказал: «Спии теи». И, несмотря на грубость резки, Шаховской признался, что этот

табак еще лучше его Книдже.

В одной из разведок мой конь, англо-донец, отличавшийся своей смелостью и выносливостью, при поисках в сплошном дубняке порезал ногу настолько сильно, что с большим трудом удалось довести его до нашей деревни. При обследовании выявился разрез до кости у самого венчика. Ветеринар признал лошадь пропавшей, что меня глубоко огорчило, тем более что у меня кроме нее были только две маленькие местной породы лошади, обе хорошие, но совершенно не соответствовавшие моему росту.

Я позвал нашего хозяина и просил его уступить мне часть его луга, на котором могла бы пастись моя лошадь и сказать, сколько это стоит. Подумав, он назначил цену в два рубля и когда я на нее согласился, добавил, что пока лошадь не может двигаться, он в ту же цену будет давать подводу для подвоза травы. С грустью ходил я навещать моего коня, не становившегося совершенно на больную ногу. Раз застал около него старого вахмистра третьего эскадрона, который мне доложил:

– Я осмотрел ногу, очень тяжелый порез. Ветеринар считает лошадь пропавшей, а я смогу ее вылечить, доверьтесь старому вахмистру и нашему народному средству.

И тут же назвал это средство. Я просто остолбенел и ни за что не соглашался. Но он настоятельно просил, уверяя, что ручается за излечение. Я сдался.

Назвать это средство я прямо не могу, скажу только, что

оно состояло из совершенно необычайно горячих припарок с солью и через три недели рана зажила, лошадь выздоровела и я на ней ездил еще в течение двух лет, а продал ее в Константинополе только из-за трудности содержания.

Жизнь с отрядом внезапно порвалась.

В начале мая 1878 года меня вызвали в Сан-Стефано в штаб главнокомандующего, где высочайшим приказом 22 мая 1976 года я был назначен штаб-офицером над вожатыми с переводом в Генеральный штаб капитаном. Только в Сан-Стефано, впервые за время войны, мне удалось свидеться с родным полком.

Полк стоял биваком при деревне Нифес и, как и все прочие полки, переживал тяжелую эпидемию сыпного тифа. Число больных доходило до 1500–1800 человек на каждый полк. Болело и много офицеров. Эпидемия прекратилась лишь когда просохли все болота бывших рисовых полей и наступило жаркое лето.

Итоги вспышки выразились в том, что в ближайшем к Константинополю районе и далее к югу до городов Родосто и Силиври, на берегу Мраморного моря, мы оставили 37 кладбищ. Несколько лет спустя, в девяностых годах, в Сан-Стефано была сооружена часовня, в фундамент которой были замурованы все кости погребенных на этих кладбищах.

Во второй половине января 1878 года наши главные силы двинулись двумя группами: одна, под личным предводительством главнокомандующего великого князя Николая Нико-

лаевича, – на Константинополь, другая, под командой генерал-адъютанта Гурко, – на Галлиполи.

Обе группы в начале февраля были остановлены: первая в 18 верстах от Константинополя, вторая в 30 верстах от Галлиполи.

Понимая все значение взятия Галлиполи – ключа Дарданелл, генерал-адъютант Гурко шел без остановки, несмотря на утомление войск, дважды скрыл полученное приказание остановиться и только по третьему категорическому приказу остановил свои войска в 30 верстах от Галлиполи.

Последовало перемирие, и 18 февраля между нами и Турцией был подписан Сан-Стефанский мирный договор, но его условия, по настоянию великих держав, были вынесены на рассмотрение международного конгресса в Берлине.

Армия, победоносно преодолевшая среди суровой зимы твердыни Балкан, уничтожившая армию Сулеймана-паши, взявшая в плен армии Османа-паши и Бесселя-паши и уже подходившая к заветной цели русского народа – взятию Царьграда и водворению вновь святого Креста на куполе Святой Софии, была неожиданно остановлена под стенами Константинополя и вынуждена ожидать решения Берлинского конгресса.

Армия недоумевала, а турки были настолько уверены в утрате Константинополя, что ко времени подхода нашей армии к Сан-Стефано уже была намечена новая столица Оттоманской империи – г. Брусса на азиатском берегу. Гарем

и все ценное имущество султана стояли погруженными на две султанские яхты в ожидании приказа об отплытии в Бруссу.

В самом Константинополе был создан наряд полиции для встречи наших войск и разведения их по квартирам во избежание столкновения между жителями и войсками.

Вопрос, почему в 1878 году мы не заняли Константинополь, остается открытым до сих пор.

Еще менее ясно, почему не было дозволено генерал-адъютанту Гурко занять Галлиполи. Если бы Галлиполи ко дню открытия Берлинского конгресса был наш, английский флот, явившийся в Константинополь в числе семи броненосцев для защиты столицы, был бы заперт там, да и условия Берлинского трактата были бы совсем иные.

22 мая 1878 года состоялось Высочайшее повеление о назначении в распоряжение посла в Константинополе князя Лобанова-Ростовского, военной миссии в составе свиты Его Величества генерал-майора Бобрикова, капитана Протопопова и меня. Затем в Константинополь прибыли: Генерального штаба генерал-майоры Стебницкий и Зеленый, полковники флигель-адъютант Боголюбов и Филиппов и подполковник Шнеур для участия в проведении новых границ между Турцией и Россией в Малой Азии, между Турцией, Сербией и Болгарией, между Болгарией и Восточной Румелией, между последней и Турцией – на Балканском полуострове.

Число уполномоченных от прочих держав, подписавших

Берлинский трактат, было еще значительнее. Константинополь кишел иностранными уполномоченными. Не было недостатка и в добровольных радетелях о спасении Османской империи с венгерцем Клапкой во главе (главой восстания венгров в 1848 году), представлявших султану самые фантастические проекты.

Первые месяцы после войны наибольшее влияние на самого султана и его министров имел английский посол Лайярд, сам убежденный туркофил, кроме того, вдохновляемый главой английского кабинета лордом Бигонсфилдом и еще более сэром Эльджерноном Бортвиком, собственником и редактором торийского органа газеты «Морнинг-Пост», дважды приезжавшего в Константинополь и оба раза приветливо принятого султаном.

Мы, военные, конечно, ближе всего сходились с военными комиссарами, при чем сразу обозначилась двойственность отношений между нами и иностранцами.

В частной жизни все они, особенно англичане, охотнее всего общались с нами, часто проводили с нами вечера. В заседаниях же комиссий при обсуждении вопросов, от важных до мелочей, все дружно шли против нас, и соглашения достигались с большим трудом и проволочкой времени.

Турецкое правительство явно благоволило иностранцам, искало у них поддержки. Население столицы, особенно турки, относилось к нам доброжелательно, а бывшие у нас в плену офицеры и солдаты дружелюбно высказывали благо-

дарность за доброе к ним отношение в России.

Симпатии военнопленных к нам высказывались настолько ярко, что последовало распоряжение немедленно всех бывших в плену в России уволить в запас, выдав каждому в счет жалования по меднидие, то есть по 20 пиастров (тогда на наши деньги – около рубля восьмидесяти копеек).

Жалованье войска не получали уже несколько лет, причем офицеры, в зависимости от чинов, получали натурой двойной или выше солдатский паек, а семьям офицеров выплачивались деньги: четвертая часть жалованья, причитавшегося главе семьи. И только раз в году, когда наступал праздник Байрама, всем состоявшим на правительственной службе выдавался месячный оклад полностью.

Когда состоялось увольнение военнопленных в запас, многие из них стали приходить к нашему генеральному консулу, иногда собираясь целыми толпами во дворе генерального консульства, и просить его ходатайства, чтобы им было выдано все заработанное за время их служения.

Оригинальную картину представляло расположение нашей армии под Константинополем.

Впереди всех войск, на берегу Мраморного моря, в Сан-Стефано, стоял штаб главнокомандующего, отделенный от турецких войск лишь сторожевым охранением, причем линии охранений обеих сторон местами сходились.

Отступая несколько верст, стояли биваками войска Гвардии и дальше 8-го и Гренадерского корпусов. Так что, на-

правляясь в войска, приходилось проезжать через мост, на одном конце которого стоял наш караул, на другом турецкий, и часовые обоих караулов отдавали честь.

Жизнь в Сан-Стефано тянулась крайне однообразно. Все свободное время проводилось или в театральном ресторане, или в купальне, а вечерами шли в театр или в сады «Конкордия» и «Боскет».

Сад «Конкордия» представлял собой кафе-шантан, в котором играл отличный в оркестр из Вены и выступали шансоньетные певицы, за вход платили франк.

Сад был постоянно переполнен военными, среди которых появлялись дамы из артистического мира, но большого оживления не замечалось. Только под конец выдался один особенно оживленный вечер.

В середине августа 1878 года началась посадка войск на суда для отправления в Россию.

В Сан-Стефано прибыл командир 8-го корпуса, всеми чтимый и любимый защитник Шипки Федор Федорович Радецкий. После обеда у главнокомандующего, когда мы все его окружили, Федор Федорович, побеседовав с нами, сказал:

– Идемте в «Конкордию».

Сад был переполнен, и Федор Федорович, сев в середине первого ряда, подпевал артисткам и каждой подносил букет. Последние недели две на афише стало появляться имя артистки Фанни, печатавшееся крупными буквами, и в эти дни

взималась двойная плата за вход. Но когда подходила ее очередь петь, выходил господин во фраке и извинялся, что она по болезни выйти не может. Обычно офицеры добродушно относились к этому, и Фанни продолжала оставаться мифической личностью.

Но в этот вечер расшалившееся офицерство, выслушав обычное заявление, не удовлетворилось им и начало громко вызывать: «Фанни, Фанни»! Напрасно хотели продолжать представление, вызовы не умолкали. Вдруг поднялся комендант главной квартиры и громко заявил:

— Господа, удостоверяю, что Фанни действительно больна.

В ответ раздались неистовые аплодисменты и крики. Вzbешенный комендант приказал закрыть сад. На это все в один голос: «Деньги назад»! Комендант стушевался и все оставались в саду до полуночи, когда за генералом Радецким пришел катер с «Москвы», и его торжественно, с факелами проводили на пристань, а оттуда на лодках до самого крейсера.

В опере тогда с успехом подвизалась молодая певица Рая Лари, настоящая фамилия которой была Котович.

Когда офицеры узнали, что у нее не хватает средств на окончание музыкального образования в Италии, сделали подписку, и на ее бенефис вместо обычных цветов и подарков ей поднесли деревянную, круглую, лукутинской работы чашу, горой наполненную полуимпериялами.

Но лучшее удовольствие заключалось в купании в Мра-

морном море. Песчаный грунт, температура воды уже в мае до 18 градусов, а в середине лета до 22, бывало, не наплаваешься.

И летом же 1878 года, когда наша армия еще стояла под Константинополем, английский посол Лайард подал султану меморандум, в котором, высказывая готовность Англии прийти Турции на помощь в ее тяжелом положении, между прочим указал, что обеднение Турции во многом зависит от обеднения ее малоазийских владений, когда-то богатейших в мире земель, а ныне запустевших, страдающих от отсутствия твердой власти на местах и благоустроенных путей сообщения, от разбоев, ставших постоянным явлением в этих благословенных землях. Чтобы восстановить там порядок и производительность, Англия согласна дать необходимые денежные средства на проведение железнодорожного пути от начального пункта турецких железных дорог на берегу Малой Азии – города Конии – на Багдад и до Персидского залива. Другой путь от той же Конии – в северном направлении на Амассию-Эрзерум. Для возможности же доведения постройки этих линий до благополучного конца и безопасности их эксплуатации, турецкое правительство должно уступить в пользование общества, которое будет строить дорогу, полосу земли в сто километров ширины вдоль всего пути, с правом строить блокгаузы, где признает нужным содержать в них гарнизоны и дать право на разработку недр земли во всей отчуждаемой полосе.

Как ни печально было денежное положение Турции, все же султан от столь любезной помощи уклонился.

Другими добровольными спасителями Турции явились так называемые бонд-хульдеры, то есть владельцы долговых обязательств турецкого правительства.

Парижским трактатом 1856 года Турецкая империя была включена в сонм великих держав. Но это включение счастья ей не принесло. Турция, соблазняемая легкостью предлагаемого ей кредита, быстро «залезла» в долги. К концу царствования Абдул-Азиса, в семидесятых годах, внешний государственный долг Турции превысил 4 миллиарда франков, платеж процентов и погашение по займам стали государству не под силу, Турция оказалась банкротом и продолжала платить проценты лишь по тем займам, которые были сделаны под поручительства французского или английского правительств, платежи же по всем остальным займам просто отсрочивались и значились в бюджете под рубрикой «отложенных».

Несмотря на такое неблагоприятное положение, весной 1878 года в Константинополь прибыл представитель бондхульдеров виконт де Токвилль со следующим предложением: все разновременно заключенные Турцией займы сводятся в один, по которому Турция впредь будет выплачивать полтора процента в год, причем один процент будет считаться как процент, а полпроцента повышением суммы займа.

Сверх того, чтобы Турция снова могла дать правильный

ход своему государственному развитию, ей будет выдан новый заем в 500 миллионов франков.

Все переговоры по этой сделке велись так секретно, что ничего не проникло вне среды заинтересованных лиц.

К счастью, накануне того дня, когда оставалось лишь подписать условие, князь Лобанов узнал о сделке и тотчас вручил Порте ноту, в которой напомнил, что по Берлинскому трактату Порты обязана по получении нового займа прежде всего уплатить нам военный долг 300 миллионов рублей, за которым трактатом обеспечен приоритет перед всеми другими платежами и расходами.

Как только стало известно содержание этой ноты, из Парижа и Лондона были присланы телеграммы: «Ничего не подписывать». Сделка расстроилась. Но скоро преобладающее влияние Англии и Франции стало меркнуть. Император Вильгельм сумел приобрести доверие султана Абдул-Гамида сперва присылкою помощника по управлению финансами и таможенниками с целою сериею чиновников, успевших навести некоторый порядок в управлении финансами.

Одновременно прибыла германская военная миссия с генералом фон дер Гольцем во главе, состоявшая из полковников: Рюстова (артиллерист), фон Лобе (кавалерист), полковника инженера, фамилия которого ускользнула у меня из памяти. Эта комиссия при содействии подчиненных ей инструкторов приступила к реорганизации турецкой армии по германскому образцу. Вслед за тем германское общество по-

лучило концессию на постройку Багдадской железной дороги и с успехом выполнило ее, вложив в это дело огромные капиталы.

В девяностых годах император Вильгельм совершил свое знаменитое путешествие в Палестину, на обратном пути прибыл в Константинополь с Викторией-Августой, где они были торжественно приняты султаном.

При помощи грамотного подбора послов германское влияние в Константинополе продолжало крепнуть, и к началу мировой войны германский посол Вангенгейм являлся почти полновластным хозяином в Константинополе.

С конца лета 1876 года в печати начали появляться слухи об албанской лиге, желавшей отделения Албании от Турции. Маршал Мегмет-Али при проезде в горных проходах Албании подвергся внезапному нападению восставших и был убит со всем составом посольства. В Константинополе тогда сложилось убеждение, что и нападение, и убийство Мегмет-Али произошли с ведома и согласия Абдул-Гамида, опасавшегося влияния маршала на войска и население столицы.

С самого первого дня покушения младотурок во главе с Али-Суави летом 1878 года, желавших освободить низложенного в 1876 году султана Мурада, брата Абдул-Гамида, последний окончательно поселился не в большом дворце Дольми-Бахче, резиденции Абдул-Азиса, а в его бывшем охотничьем доме Альдыз-Киоске, окружил себя отрядом из двенадцати стрелковых батальонов, вызванных из Малой

Азии, державших кругом дворца сплошную боевую цепь, спал одетым на мендере, имея при себе револьвер, никогда никуда не выезжал, кроме как по пятницам на селямлик в Чераганскую мечеть, что уже по Корану он избежать не мог.

Слухи об албанской лиге, согласно газетам, все росли, теперь уже говорили о ее численности в 150 тысяч человек.

Тогда князь Лобанов поручил мне осмотреть и наметить будущую границу Восточной Румелии с Македонией, по пути заехать в Филиппополь к императорскому комиссару в Болгарии князю Дондукову-Корсакову с просьбой выдать мне открытый лист на право требования конвоя при объезде будущих границ между Восточной Румелии с Сербией и Восточной Румелии с Македонией. Предварительное намечание этих границ было для нас особенно важно, так как иностранцы хотели свести вопрос о границе с Македонией на нет под предлогом, что незачем проводить точную границу между Турцией и ее же автономной провинцией.

Сверх того, князь Лобанов дал мне письмо Дондукову-Корсакову, причем сказал:

— Вручите письмо лично и скажите князю, что хотя я знаю, насколько он занят, но все же прошу прочесть письмо и дать словесный ответ через вас, ибо вам содержание письма известно.

Прибыв в Филиппополь, я был тотчас же принят императорским комиссаром, доложил о возложенном на меня поручении по осмотру границ и вручил письмо, передав послов-

но сказанное послом. Князь Дондуков ответил:

– Хорошо, все будет сделано.

От императорского комиссара я прошел к его начальнику канцелярии генерал-лейтенанту Домонтовичу, который тотчас же снабдил меня всеми необходимыми документами и, кроме того, дал переводчика – болгарина-македонца Ангела Сукачева, оказавшегося незаменимым человеком по превосходному знанию местности в районе намеченных границ, неутомимым и умелым.

Когда же разговор зашел об албанской лиге, Домонтович сказал:

– Албанская лига – пустяки, все сведения о ней сильно раздуты, а вот македонская лига – дело другое.

Заметив мое удивление, он добавил:

– Македонская лига – дело серьезное. Во главе ее стоит македонский комитет, членами которого мы все являемся и главная цель которого – не допустить на местах исполнения постановления Берлинского конгресса.

Напрасно я ему напомнил, что государь император признал постановления конгресса и подписал их, Домонтович продолжал горячо говорить и окончил словами:

– Да что говорить. Поживите у нас день-другой и сами увидите, а теперь идемте обедать.

В шатре-столовой я сразу очутился среди группы близко знакомых по Петербургу офицеров, все обступили, расспрашивали, потом поинтересовались:

– Ты, конечно, будешь на концерте в пользу македонского комитета?

На заявление, что я ничего о концерте не знаю, мне тотчас же вручили билет и обещали вечером отвести меня туда.

В семь вечера мы были на месте. Довольно большой зал кафе-шантана был битком набит офицерами, болгар было мало, так как цена билета в половину турецкой лиры была для местных непомерно высока.

На сцене играл, как и во всех тогда кафе-шантанах, женский струнный оркестр, были и исполнительницы – шансоньетки, которым вся аудитория подпевала, в различных группах произносились речи, шли оживленные споры, после которых неизменно требовался гимн, все вставали и пели под звуки оркестра. Главная тема речей: процветание целокупной Болгарии так, как оно была намечено Сан-Стефанским договором, за освобождение Македонии из-под турецкого ига.

Трудно было устоять перед общим задором, но в то же время я не мог не сознавать, что происходит что-то совершенно несхожее с решениями, принятыми в Петербурге.

На другое утро, перед отъездом в Софию, я зашел к генералу Домонтовичу, рассказал ему все, чему был очевидцем и предупредил, что командированный послом, я не могу ничего от него скрыть и обязан доложить и о македонской лиге, и о македонском комитете, и знаю наперед, что посол не сможет допустить дальнейшего существования лиги и сообщ-

щит обо всем в Петербург.

Только я успел прибыть в Софию и представиться начальнику гарнизона, барону Николаю Егоровичу Мейкендорфу, как явился посланный от митрополита Климента с просьбой зайти к нему. Едва я успел войти к владыке, как Его Преосвященство, благословив меня, взял мою руку и сказал:

– Вы – царский капитан, конечно, с нами и должны помочь нам в нашем деле. Так как вы приехали от посла, то вас наверно послушают, и потому мы просим повлиять на военное начальство, чтобы оно распорядилось передать винтовки и патроны двух стоящих тут полков в распоряжение поручика Калмыкова для вооружения своих комидаджиев и выступления в Македонию.

Отставной поручик Калмыков – председатель македонского комитета, тот самый, который несколько лет спустя участвовал в экспедиции в Абиссинии.

Напрасно разъяснял я владыке, что все это надо прекратить, вопрос о Болгарии и Восточной Румелии решен бесспорно и Берлинский трактат государем ратификован, он продолжал настаивать на своем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.